

В МИРЕ НАУКИ И ИСКУССТВА: ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИИ

*Сборник статей по материалам
LVII международной научно-практической конференции*

№ 2 (57)
Февраль 2016 г.

Издается с мая 2011 года

Новосибирск
2016

УДК 008+7.0+8
ББК 71+80+85
В 59

Ответственный редактор: Васинович М.А.

Председатель редакционной коллегии:

Грудева Елена Валерьевна – д-р филол. наук, проф., зав. кафедрой отечественной филологии и прикладных коммуникаций Череповецкого государственного университета.

Редакционная коллегия:

Карпенко Виталий Евгеньевич – канд. филос. наук, доц. кафедры философии и социологии, докторант Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина, г. Харьков;

Кривошей Ирина Михайловна – канд. искусствоведения, проф. кафедры камерно-концертмейстерского искусства Уфимской государственной академии искусств им. Загира Исмагилова;

Куцова Ирина Александровна – д-р культурологии, проф. кафедры культурологии Московского педагогического государственного университета (МПГУ);

Макушева Жанна Николаевна – канд. филол. наук, доц. кафедры иностранных языков ГБОУ ВПО «Тихоокеанский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения России, г. Владивосток;

Павловец Татьяна Владимировна – канд. филол. наук, рецензент АНС «СибАК»;

Чурилина Любовь Николаевна – д-р филол. наук, проф., заведующая кафедрой русского языка и общего языкознания ФГБОУ ВПО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова».

В 59 В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии / Сб. ст. по материалам LVII междунар. науч.-практ. конф. № 2 (57). Новосибирск: Изд. АНС «СибАК», 2016. 90 с.

Учредитель: АНС «СибАК»

Сборник статей «В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

При перепечатке материалов издания ссылка на сборник статей обязательна.

Оглавление

Искусствоведение	6
Секция «Музыкальное искусство»	6
«ЖАНРОВЫЙ ПОРТРЕТ» БАЛЛАДЫ В СОЧИНЕНИЯХ ДЛЯ БАЯНА Солянкин Алексей Васильевич	6
Секция «Теория и история искусства»	13
КАТЕГОРИЯ «ТВОРЧЕСКИЙ МЕТОД» В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ М.С. КАГАНА Нехвядович Лариса Ивановна	13
Секция «Хореографическое искусство»	18
ТВОРЧЕСКИЙ ВКЛАД БОЛАТА МЕЙРБЕКОВА И БАЛЕТНОЙ ШКОЛЫ В РАЗВИТИЕ ХОРЕОГРАФИИ ЮЖНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ Идрисова Гульмира Асылхановна Кульбекова Айгуль Кенесовна	18
Культурология	24
Секция «Теория и история культуры»	24
КУЛЬТУРНАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО СЕЛА Полуцыган Анастасия Александровна	24
Филология	30
Секция «Германские языки»	30
ОСОБЕННОСТИ НЕОФИЦИАЛЬНОГО СТИЛЯ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ, СМС-ПЕРЕПИСКИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ Скворцова Евгения Евгеньевна Есина Мария Геннадьевна	30
КОНЦЕПТ «ОДЕЖДА» В ОБРАЗНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА Ларина Татьяна Андреевна	34

Секция «Журналистика»	40
ВОСПОМИНАНИЯ УЧЕНЫХ КАК ИНСТРУМЕНТ СТИМУЛИРОВАНИЯ ЧТЕНИЯ НАУЧНО- ПОПУЛЯРНЫХ ИЗДАНИЙ ПО ЕСТЕСТВОЗНАНИЮ Соколова Ирина Сергеевна	40
Секция «Литература народов стран зарубежья»	45
«ЭЛЕМЕНТ СЛУЧАЙНОГО» В РОМАНАХ АХМЕТА УМИТА Аврутина Аполлинария Сергеевна Рыженков Андрей Сергеевич	45
К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ ВЗГЛЯДОВ ЭДИТ УОРТОН НА ПРОБЛЕМУ ЦЕННОСТИ ТРАДИЦИЙ Тимошенко Ирина Николаевна	54
Секция «Русская литература»	59
«СУМАСШЕДШЕМУ ВСЕ МОЖНО»: О СПЕЦИФИКЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕМЫ БЕЗУМИЯ В РОМАНЕ И. ИЛЬФА И Е. ПЕТРОВА «ЗОЛОТОЙ ТЕЛЕНОК» Назаров Иван Александрович	59
Секция «Русский язык. Языки народов Российской Федерации»	64
РОЛЬ ФАКТОРА «СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ» ПРИ ОПИСАНИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ Гайбарян Ольга Ервандовна Мясищев Георгий Игоревич	64
Секция «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание»	71
ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ЯЗЫКОВОЙ ЭКСПРЕССИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ПОГОВОРК) Тимофеева Альбина Михайловна Махмутова Валерия Рушановна	71

Секция «Теория языка»

79

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕМАНТИЧЕСКИХ
ОСОБЕННОСТЕЙ НЕКОТОРЫХ АДВЕРБИАЛЬНЫХ
ПРЕДЛОЖНЫХ КОНСТРУКЦИЙ
(НА МАТЕРИАЛЕ УКРАИНСКОГО ЯЗЫКА)

79

Хоровец Вера Евгеньевна

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

СЕКЦИЯ

«МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО»

«ЖАНРОВЫЙ ПОРТРЕТ» БАЛЛАДЫ В СОЧИНЕНИЯХ ДЛЯ БАЯНА

Солянкин Алексей Васильевич

*доц. кафедры народного хорового и инструментального искусства
Волгоградского государственного института искусств и культуры,
РФ, г. Волгоград
E-mail: solyankin_a@mail.ru*

“GENRE PORTRAIT” OF THE BALLAD IN OEUVRES FOR BAYAN

Aleksey Solyankin

*associate Professor of Folk Choral and Instrumental Art Chair,
Volgograd State Institute of Arts and Culture,
Russia, Volgograd*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается функционирование музыкальной баллады в современном баянном репертуаре. Опираясь на методологию жанрового анализа, представленную в современных музыковедческих работах, и эмпирические данные о технологическом развитии инструмента, автор показывает все многообразие «стилевой палитры» балладного жанра в баянном искусстве XX века.

ABSTRACT

The article deals with the functioning of musical ballad in contemporary bayan repertoire. Based on the methodology of genre analysis presented

in contemporary musicological works and empirical data about the technological development of the instrument, the author shows the diversity of “stylistic palette” of the ballad genre in bayan art of the XX century.

Ключевые слова: баянное исполнительство, баллада, жанр, стиль.

Keywords: bayan performance, ballad, genre, style.

В последнее время наблюдается активизация научной мысли о баянном исполнительстве, о современном облике этого инструмента, о качественном изменении и росте баянного репертуара. Сегодня баян по праву занимает достойное место в музыкальном исполнительстве как сольный и ансамблевый инструмент. Совершенствование технологических параметров баяна в XX веке позволило возвести его в ранг академического концертного инструмента с огромным потенциалом темброво-выразительных возможностей.

Все это, безусловно, отразилось на композиторском творчестве. Если на первом этапе баянного искусства (1897–1920 гг.) в репертуаре преобладали сочинения фольклорной направленности, имевшие истоки в гармошечной традиции, а именно, частушечные наигрыши, песенно-танцевальные жанры, то начиная со второго (1920–1935 гг.), продолжаясь в третьем (1935–1970 гг.) и, кульминируя в четвертом (1970–2000 гг.), происходит мощное развитие жанрово-содержательной области баянного репертуара.

Действительно, диапазон композиторских решений для баяна последней трети XX века отличается не только многоликостью музыкальной жанрово-стилистической палитрой, где на равных правах существуют сочинения фольклорного, академического и эстрадного направлений, но, что наиболее показательно, концепционной глубиной авторских решений, избравших именно этот инструмент для воплощения сложнейших замыслов.

В своей работе «Баян как феномен музыкальной культуры в отражении социальной действительности» Л.А. Мищенко указывает на многогранную содержательную палитру современного баянного репертуара: «Во многих произведениях для баяна отражаются исторические события, общественные явления, изображаются мифологические образы, рисуются специфическими средствами образы героев далекого прошлого и нашего времени, личностный мир чувств и переживаний человека и мн. др.» [3, с. 41]. И далее, что для нас важно, автор отмечает историко-стилевые вехи, в жанровую парадигму которых вписывается этот уникальный в своем роде

инструмент: «Баян стал своеобразным мостом между прошлым и будущим. Теперь на этом инструменте исполняются произведения далекого Европейского Средневековья, эпохи Просвещения, музыка Барокко, Классицизма, Романтизма. На баяне исполняются произведения крупных форм и миниатюры, музыка разных стилей и жанров» [3, с. 43].

В «унисон» с наблюдениями Л.А. Мищенко звучат слова О.П. Васильева. Анализируя роль сакральной тематики в современной музыке, он отводит особое место сочинениям для баяна, в которых, по мнению автора, изначально «народный инструмент» заиграл новыми красками. В произведениях периода рубежа XX–XIX веков, пишет автор, «воплощаются сюжеты Нового и Ветхого Заветов Библии, обнаруживается интерес к православной традиции и зороастризму. Жанровый диапазон простирается от традиционных Ave Maria и Miserere до апокалиптической симфонии» [2, с. 837].

Исследователи, обращающиеся к проблематике функционирования баяна на современном этапе, постоянно подчеркивают многогранность этого инструмента, как с точки зрения его колоссальных технологических возможностей, так и связанной с ними репертуарной политикой. Однако движение в русле *жанрового аспекта* на сегодняшний день нельзя считать окончательно разработанным. В этой связи в данной статье хотелось бы на примере баллады затронуть проблему функционирования повествовательных жанров в баянном искусстве XX века.

Как нам представляется, нарративность – это область не чуждая баянному исполнительству и напрямую связанная со стилистическим звуковым образом этого инструмента. Напомним, что свое название он получил с легкой руки исполнителя-гармониста Я. Орланского-Титаренко, который первому усовершенствованному прототипу русского баяна работы мастера П.Е. Стерлигова дал имя «Боян» в честь древнерусского певца-сказителя, упоминаемого в поэме «Слово о полку Игореве», и впервые стал использовать его в Москве на своих афишах в мае 1908 года.

Общезвестно, что баллада одна из первых повествовательных жанров пришла в академическую музыку. В самом деле, в эпоху романтизма этот изначально вокальный жанр благодаря гению Шопена перешел в область инструментализма и прочно закрепился в своих различных образных ипостасях. Рядом со «страшными» балладами, отмеченными трагическим концом, соседствуют баллады лиро-эпические. Первые приближены к драматическому действию, вторые – к героическому эпосу. Именно эти две типологические

разновидности инструментальной баллады романтизма выделяет в своих работах О.В. Бегичева, подробно характеризую их специфические признаки [1].

Также автор указывает на многообразие исторических «портретов» баллады, параллельно существующих в музыкальном искусстве. Помимо указанного выше жанра профессионального музыкального искусства XIX века – романтической вокальной и инструментальной баллады – она называет французскую одноголосную хороводную танцевальную песню Средневековья, фольклорные сюжетно-повествовательные песни, распространенные на севере Европы, джазовые баллады, а также баллады из популярной эстрадной музыки, в том числе рок-баллады.

На первый взгляд, столь «разношерстное» многообразие исторических лиц жанра не может найти себе место на одном историческом отрезке времени, да еще в границах одной страны, и, кажется, что ни одна из указанных типов баллад не способна «сочетаться» с обликом баяна, как исконно русского инструмента. Так каким же предстает «жанровый портрет» баллады в баянном искусстве XX века?

Даже панорамного взгляда достаточно, чтобы глубоко проникнуться безграничными возможностями баяна, поглощающего все многообразие жанрово-балладных форм, сложившихся к этому времени в музыке профессиональной традиции. Прежде, чем осветить подробно данный вопрос, отметим, что огромный массив балладных сочинений для баяна создан мэтрами баянного исполнительства, такими как В. Бонаков, Е. Дербенко, Ю. Романов, В. Новиков, А. Тучевский, А. Доренский.

Такая ситуация очень напоминает освоение балладного инструментального жанра в XIX веке композиторами-пианистами – Ф. Шопеном, Ф. Листом, Р. Шуманом. И в этом нет ничего удивительного: «внедрение» того или иного жанра в музыкальное пространство эпохи, во многом зависит от мастерства исполнителя. Напомним, что музыкальная история помнит многие свои грустные страницы, когда причиной провала премьерного показа становилось не просто плохое исполнение произведений, а несовпадение композиторского замысла и его исполнительского воплощения. В том же случае, когда композитор и исполнитель совпадают в одном лице, успех практически обеспечен.

Особенно важным это становится в то время, когда новая инструментальная сфера только завоевывает слушательскую аудиторию, конкурируя с признанными сольными «собратьями» по музыкальному цеху – фортепиано, скрипкой, органом, что,

собственно, и происходило в период становления баянного искусства. Как подчеркивает Л.А. Мищенко, «исполнители-баянисты, в совершенстве овладев исполнительской техникой и художественно-выразительными приемами, а также необходимыми для профессиональной исполнительской деятельности приемами и средствами, находятся в постоянном поиске форм, средств, направлений» [3, с. 44].

Одним из них был жанровый, в частности, балладный поиск. На первый взгляд, может показаться, что баллада должна была предстать в баянном репертуаре именно как повествовательная песня. Но мы вынуждены признать, что ее родовая нарративная стилистика оказалась не всегда востребована. Исключение представляют транскрипции. Среди самых ярких назовем Сонату для домры и фортепиано А. Цаганкова в переложении для баяна Е. Суслова, первая часть которой носит жанровый подзаголовок «Баллада». Баян обладает уникальными возможностями для передачи балладных образов. Тембровая драматургия позволила раскрыть дополнительные возможности балладного жанра.

Регистровый план транскрипции выстроил «жанровую архитектуру» всего произведения. Во вступлении мрачный колорит зловещего пейзажа усиливает регистровые тембры «фагота», «пикколо-фагота». Срыв кульминации и семантический слом перед репризой проходит на «тутти», а «острые» форшлагги темы «скачки» в разработке, подчеркнутые регистровой краской «пикколо», рисуют образ иномирного пришельца. Как отмечает О.В. Шевченко, в романтической литературе «точкой отсчета в характеристике этого балладного персонажа стали inferнальный всадник, воинствующий охотник, демон и обобщенный образ разрушительной стихии» [4, с. 78]. Как видим, тембровый план транскрипции сформирован, исходя из задач жанрового решения музыкального произведения.

Значимость баяна для воплощения традиций романтизма демонстрируют сочинения Ю. Романова («Осенняя баллада»), А. Белошицкого (Баллада из Сюиты № 2), В. Бонакова (Соната-баллада), Е. Дербенко (Баллады). Однако не следует думать, что работа с моделью романтической баллады стала для композиторов шагом назад в прошлое, «легким реверансом» в сторону уходящего века. Напротив, образы романтической культуры, представленные в балладном жанре посредством топосов (термин Л. Кирилловой) inferнального мира, «тьмы кромешной» и контрастирующих им топосов возвышенного, небесного мира, в последней трети XX века обрели новые смыслы, идущие от религиозно-духовной доминанты возрождающегося русского самосознания.

Балладный жанр в этом контексте выступил неким связующим началом двух веков. В нем композиторы, словно «нащупали» точки соприкосновения, которые вывели на поверхность глубокие онтологические проблемы бытия. В этом плане особенно показательны Соната-баллада В. Бонакова и Баллада № 2 Е. Дербенко.

В Сонате-балладе композитору удалось столкнуть «лицом к лицу» два века: классицизм и барокко, опосредованные романтизмом и современностью. Классицистская лексика первого раздела Presto и барочная – второго Moderato при четкой их ориентации на сонатность и балладность, дали неожиданный эффект. Гайдновская линия искрометной радости словно разбилась о «танатологическую стену» романтической балладности, тем самым, сопоставив два мира: беззаботно промелькнувшей жизни и неизбежной смерти. Кодовый речитатив от автора вместо ответа, поставил перед современниками вопрос о смысле бытия, о роли духовного начала в человеке XX века.

В Сонате № 2 Е. Дербенко, по сути, та же концепция «сформулирована» несколько иначе. Композитор ведет нас по лабиринтам усиливающегося страха, нагнетаемого от вариации к вариации и трансформирующего первоначальную песенную тему с признаками колыбельной в средневековую секвенцию *Dies irae*.

Мы обозначили одну из линий присутствия балладного жанра в баянном репертуаре XX века. Ее можно обозначить как развитие традиций романтической музыкальной баллады. В этом ряду, на наш взгляд, находятся самые значимые сочинения этого жанра. Тем не менее, данная линия не единственная. Особую группу баянных баллад представляют концертно-джазовые и эстрадные сочинения: В. Новиков Баллада (на тему Хуана Тизола «Караван»), Французская баллада (на тему В. Космы «Осенние листья»), эстрадно-джазовые сюиты для баяна А. Доренского – Шестая, Восьмая и Десятая – открываются балладами, наконец, Rock-Баллада памяти Ф. Меркьюри и Ю. Фабричных.

Эта область развлекательной музыки в «жанровом одеянии» баллады возродила традиционную концертную традицию, со времен Моцарта, получившую название «конфеты для ушей». Легкий джаз, полный юмора рэгтайм, мгновенно узнаваемые аллюзии на самые популярные композиции рок-группы “Queen” – вот далеко не полный перечень баянно-балладных сочинений, очень востребованный современной слушательской аудиторией.

Сегодня трудно представить развитие баянного мастерства без участия балладного жанра, как невозможно было отделить от него фортепиано в первой половине XIX века. Органичный синтез

народного, академического, эстрадного направлений, вот, пожалуй, каков «портрет» балладного жанра в баянном исполнительстве XX века.

Список литературы:

1. Бегичева О.В. Военная тема в Двадцать второй симфонии-балладе Н.Я. Мясковского // Концепт. – 2015. – Современные научные исследования. Выпуск 3. – [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://e-koncept.ru/2015/85668.htm>. – ISSN 2304-120X (Дата обращения 30.01.2016); Бегичева О.В. Баллада и симфоническая поэма в музыкальном искусстве романтизма: стратегия и тактика межжанрового взаимодействия // Концепт. – 2014. – Современные научные исследования. Выпуск 2. – [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://e-koncept.ru/2014/54860.htm>. – ISSN 2304-120X (Дата обращения 30.01.2016).
2. Васильев О.П. Баян и сакральная тематика // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, т. 12, № 5 (3). – Самара, 2010. С. 837–839.
3. Миценко Л.А. Баян как феномен музыкальной культуры в отражении социальной действительности // Наука. Искусство. Культура. Вып. 3 (7). – Белгород, 2015. С. 40–47.
4. Шевченко О.В. «Повествователь» в романтической балладе «ужаса» // Музыкальное содержание: пути исследования: Сб. материалов науч. чтений. – Краснодар: Изд. дом ХОРС, 2009. С. 40–52.

СЕКЦИЯ

«ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ИСКУССТВА»

КАТЕГОРИЯ «ТВОРЧЕСКИЙ МЕТОД» В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ М.С. КАГАНА

Нехвядович Лариса Ивановна

*д-р искусствоведения, доц., зав. кафедрой теории искусства
и культурологии Алтайского государственного университета,*

РФ, г. Барнаул

E-mail: lar.nex@yandex.ru

CATEGORY "CREATIVE METHODS" IN THE THEORETICAL HERITAGE OF M.S. KAGAN

Larisa Nekchvyadovich

*doctor of art criticism, associate professor, head the department
of theory of art and culturology of the Altaian state university,
Russia, Barnaul*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается концепция творческого метода как категории художественного процесса в теоретическом наследии М.С. Кагана. Рассматриваются четыре основных направления объяснения сущности творческого метода, каждое из которых абсолютизирует одну из существенных сторон этой категории: 1) гносеология; 2) аксиология; 3) семиотика; 4) теории моделирования.

ABSTRACT

In the article conception of creative method is examined as a category of artistic process is in theoretical heritage of M.S. Kagan. Four basic directions of explanation of essence of creative method are examined, each of that absolutizes one of substantial parties of this category: a 1) gnosiology; 2) axiology; 3) semiotics; 4) theories of design.

Ключевые слова: творческий метод, М.С. Каган, системная методология, стиль.

Keywords: creative method, M.S. Kagan, system methodology, style.

Актуальность темы связана с существенными процессами обновления и переоценки накопленного теоретического знания в области искусствоведения, обусловленными глубинными изменениями в современном искусстве. В этом смысле понятие «творческий метод» наиболее полно отражает мировоззренческие основания культуры; в нем концентрируются результаты теоретического осмысления сущности искусства, творческой индивидуальности художника.

В гуманитарном знании сформировалась искусствоведческая традиция интерпретации понятия «творческий метод» (С.М. Петров, О.В. Лармин, Т.П. Знамеровская, Ю.М. Щукин, С.Д. Бесклубенко, И.В. Волков, Е.С. Громов, С.Т. Вайман, А.В. Михайлов, В.Г. Власов).

Предметом настоящей статьи является концепция творческого метода М.С. Кагана (1921–2006), которая вбирает в себя традиции «реальной» эстетики, что проявляется в особой пристрастности к проблеме научности данной дисциплины и пристальном внимании к эстетическим категориям. Для теоретического осмысления проблем художественной образности современного искусства, идеи культуролога особенно актуальны, поскольку именно в творческом методе раскрываются существенные особенности историко-художественного процесса.

Теоретическая техника исследования эстетических проблем у М.С. Кагана строится на основе системной методологии: выявление и раскрытие системной структуры каждой категории эстетики. Он пишет: «Методология системного исследования предполагает решение двух взаимосвязанных задач: во-первых, изучение системных объектов как формы существования и движения реального мира, как проявление его упорядоченности; во-вторых, конструирования системы категорий, отражающих системные связи изучаемых объектов и делающим упорядоченным само познание» [1, с. 29].

Так, анализируя категорию творческого метода в одной из первых своих работ «Лекции по марксистско-ленинской эстетике» (1963–1966), он утверждает, что творческий метод необходимо рассматривать в системе историко-художественного процесса в тесной связи с категориями «художественное направление» и «художественный стиль». Этот подход находит развитие в его работах «Метод как эстетическая категория» (1967), «Морфология искусства: историко-теоретические исследования внутреннего строения мира

искусства» (1972) [2]. Творческий метод рассматривается как сложная структура со свойствами системы, которой присуща такая качественная особенность как целостность.

В серии статей сборника «Системный подход и гуманитарные знания» (1991) техника системного анализа проблемы творческого метода становится у М.С. Кагана столь гибкой, что он высказывает ряд диалектических сужений о природе этой категории. Элементы диалектического рассмотрения творческого метода дезавуируются тем, что культуролог объясняет суть творческого метода психологическим законом, определяя его как систему установок, управляющая творчеством художника.

Конкретный анализ творческого метода представлен в работе М.С. Кагана «Эстетика как философская наука» (1997). Объясняя суть творческого метода в контексте психологии искусства, он выделяет четыре основных его установки: 1) познавательную; 2) оценочную; 3) созидательную; 4) семиотическую. Познавательная установка творческого метода, согласно М.С. Кагану, характеризуется двумя признаками: направленностью художественного познания и его внутренней структурой. Оценочные «операции» метода выражаются в том, какую систему ценностей данный метод утверждает. Созидательная установка рассматривается с точки зрения формы и содержания на основе анализа взаимоотношений «моделирующей» и «конструирующей» сторон созидательного действия творческого метода. Семиотическое основание творческого метода определяется тем, что коммуникативная функция искусства побуждает художника рассматривать форму создаваемых им произведений не только как воплощение художественного содержания, но и как систему знаков, как своеобразный «код». Такое понимание согласуется с общесемантической теорией, которая сосредоточивает внимание на проблеме значения и выдвигает «семантический» метод решения искусствоведческих задач. М.С. Каган четко разграничил значение и смысл, выявил различие между языком и метаязыком. Значение, по мысли ученого, передает отнесенность знака к объекту, смысл – информацию об объекте.

Творческий метод раскрывается в теоретическом наследии М.С. Кагана и как категория историко-художественного процесса. На основе фактов истории мировой культуры исследователь приходит к выводу, что индивидуальные особенности, присущие творческому методу каждого художника, зависят не только от характера его дарования, но и «усвоением его сознанием определенных социальных интересов и культурных идеалов» [3, с. 433]. Можно

увидеть четыре основных направления объяснения сущности творческого метода, каждое из которых абсолютизирует одну из существенных сторон этой категории: 1) гносеология; 2) аксиология; 3) семиотика; 4) теории моделирования. В соответствии с этими направлениями творческий метод определяется как способ познания действительности; способ ценностной интерпретации жизни; способ преобразования жизненной данности в образную ткань искусства; способ построения системы образных знаков, в которых закрепляется и передается художественная информация.

Так, например, структурной доминантой реалистического искусства, по мысли М.С. Кагана, является познавательная установка творческого метода. При этом другие аспекты имеют подчиненное значение. Сравнивая искусство реализма с романтизмом, классицизмом, готикой, ученый приходит к выводу, что выдвижение на первый план познавательных возможностей искусства порождается определенными историческими условиями и обладает относительной ценностью. Место и значение созидательной функции в структуре творческого метода также постоянно меняется. В искусстве футуристов, дадаистов и сюрреалистов эта функция становится главной, так как у них основной художественной задачей является конструирование чего-то несоизмеримого с жизненной реальностью [3, с. 128]. По мнению М.С. Кагана, «семантическая» функция творческого метода не может претендовать на доминирующую роль в структуре метода. Объясняя это тем, что при увеличении ее значения в структуре творческого метода, искусство неизбежно встает на путь формализма. Это положение культуролог иллюстрирует примерами искусства поп-арта.

В целом, динамика структуры творческого метода зависит от следующих факторов: 1) историческая изменчивость; 2) разноречивость требований, предъявляемых к искусству; 3) многообразие видовых, родовых и жанровых форм. М.С. Каган подчеркивает взаимосвязь категории творческого метода и категории стиля, вскрывая принципиальные особенности каждой из них. Так, творческий метод выражает логику законов процесса создания произведений искусства; стиль – логику их структуры.

Таковы главные линии концепции творческого метода М.С. Кагана. Определяя творческий метод как систему принципов художественного освоения мира, ученый утверждает эту категорию в качестве стилеобразующего фактора [4, с. 72]. Исследователь выступает за сочетание гносеологического, аксиологического и системно-целостного подходов, особо подчеркивая ценность целостного

в искусстве. Теоретические положения ученого подготовили и актуализировали семантический способ интерпретации творческого метода как категории историко-художественного процесса.

Список литературы:

1. Каган М.С. О системном подходе к системному подходу // Философские науки. – 1973. – № 6. – С. 29.
2. Каган М.С. Морфология искусства: историко-теоретические исследования внутреннего строения мира искусства. – Л.: «Искусство», 1972. – 440 с.
3. Каган М.С. Эстетика как философская наука. – СПб: ТОО ТК «Петрополис», 1997. – 544 с.
4. Нехвядович Л.И. Этническая традиция в современном гуманитарном знании. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010. – 95 с.

СЕКЦИЯ

«ХОРЕОГРАФИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО»

ТВОРЧЕСКИЙ ВКЛАД БОЛАТА МЕЙРБЕКОВА И БАЛЕТНОЙ ШКОЛЫ В РАЗВИТИЕ ХОРЕОГРАФИИ ЮЖНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Идрисова Гульмира Асылхановна

*магистрант Казахского национального университета искусств,
Республика Казахстан, г. Астана*

Кульбекова Айгуль Кенесовна

*д-р пед. проф. КазНУИ наук,
Республика Казахстан, г. Астана
E-mail: idrisova-gulmira@mail.ru*

CREATIVE CONTRIBUTION OF BOLAT MEIRBEKOV AND THE BALLET SCHOOL IN DEVELOPMENT OF CHOREOGRAPHY OF SOUTH KAZAKHSTAN REGION

Gulmira Idrisova

*master student of the Kazakh National University of Arts,
Kazakhstan, Astana*

Aigul Kulbekova

*doctor of Pedagogical Sciences, Professor
of Kazakh National University of Arts,
Kazakhstan, Astana*

АННОТАЦИЯ

В статье предлагается общий обзор жизни и творчества Мейрбекова Болата Атахановича – заслуженного деятеля культуры РК и основанной им балетной школы Южно-Казахстанской области.

Рассмотрены заслуги и творческие достижения балетной школы за многолетний творческий путь работы учреждения.

ABSTRACT

The article offers an overview of the life and work of Bolat Atakhanovich Meirbekov – Honored Worker of Culture of Republic of Kazakhstan and the ballet school founded by him in South Kazakhstan region. There are considered the merits and creative achievements of the ballet school for many years of creative way of work of the institution.

Ключевые слова: балетная школа, хореографическое искусство, основатель, репертуар.

Keywords: ballet school, choreographic art, founder, repertoire.

В настоящее время балетная школа Южно-Казахстанской области занимает значительное место в хореографической жизни страны. Это коллектив, имеющий свое творческое лицо, своеобразный репертуар и богатую историю. Основателем первой частной балетной школы был Мейрбеков Болат Атаханович – выпускник Алма-Атинского государственного хореографического училища, Заслуженный деятель культуры РК.

Первые занятия хореографии маленький Болат получал у Александра Васильевича Селиверстова – руководителя хореографического кружка клуба села Хантагы г. Кентау Южно-Казахстанской области, который ранее являлся танцором вокально-хореографического ансамбля флота Балтийского моря.

Каждодневный кропотливый труд молодого танцора не остается незамеченным. Победив в областном фестивале в сольном исполнении танца «Матрос» Болат Мейрбеков получает путевку на конкурс талантов в Алма-Ату. На республиканском конкурсе председателем жюри являлась народная артистка Казахстана, известная танцовщица Шара Жиенкулова. И как подарок судьбы великая танцовщица отмечает лучшим в сольном исполнении Болат Мейрбекова и молодого танцора из Атырау Сагатбека Олжабаева. Шара Жиенкулова принимает Болат Мейрбекова на только открывшееся народное отделение хореографического училища им. А. Селезнева. С этого момента жизнь молодого танцора из Кентау полностью связывается с хореографическим искусством.

1965–1970 годы стали взлетными для Болат Мейрбекова. В эти годы он выступал в труппе балета «Қыз Жібек» Е. Брусиловского поставленного Шарой Жиенкуловой и Болатом Аюхановым. Труппа состояла из 15 парней и 30 девушек – первых выпускников

хореографического училища. Этим составом они гастролировали по Европе.

В 1974 году в связи со смертью отца Болат Мейрбеков возвращается в родной город Кентау, работает балетмейстером в лектории «Достык» и занимается активной творческой деятельностью.

В 1983 году по приглашению областного управления культуры Болат Мейрбеков становится хореографом в городской школе искусств, а также главным балетмейстером народного вокально-хореографического ансамбля «Достык» научно-методического центра областного народного творчества и культурно-просветительской работы Южно-Казахстанской области.

В целях развития классического танца в области, несмотря на трудности времен перестройки, в 1998 году Болат Мейрбеков открывает первую балетную школу.

Сейчас его путь в балетной школе продолжает большой творческий коллектив: художественный руководитель Мария Елеусова, главный балетмейстер Тимур Кожаметов, педагог-хореограф Асель Мейрбекова-Бастыкова, педагог-хореограф Олеся Жаркова, заведующая учебной частью Ольга Цой, концертмейстеры Шолпан Кыдырбаева, Марина Григорьева под руководством директора Мейрбековой Ламилы Тайкеновны. Каждый из педагогов стремится приобщить ученика к миру искусства, к достижению новых высот в работе и постигать вершины хореографического искусства.

Обучение в балетной школе проходит в течение 8 лет. Принимаются дети в возрасте от 5 до 14 лет. В учебно-практический план балетной школы включены теоретические и практические занятия, экзамены, концертные программы по дисциплинам классический танец, казахский танец, народно-сценический танец, историко-бытовой танец, гимнастика и музыкальная ритмика. В стенах школы обучаются более 200 учеников. Ученикам, закончившим полных 8 классов обучения в балетной школе, выдается свидетельство государственного образца.

В течении 2000–2012 годов учреждение балетной школы ведет тесную и плодотворную работу с детским домом № 4, расположенном в Сайрамском районе Южно-Казахстанской области. Более 70 детей детского дома получили возможность заниматься в балетной школе. Большую спонсорскую помощь для обучения детей оказывала компания ПетроКазахстан.

Как учреждение, дарящее своим воспитанникам знания в области хореографического искусства и образования в целом, балетная школа в

2007 году за вклад в развитие искусства области получила звание «Лучшего учреждения культуры и искусства» от акимата Южно-Казахстанской области. Также балетная школа является лауреатом областных, республиканских и международных конкурсов:

- лауреат III, II, I-степени регионального фестиваля «Балауса-1999», «Балауса-2000», «Балауса-2001» (г. Шымкент);
- участник и лауреат IV-го Международного фестиваля детского творчества Тюркоязычных стран (г. Стамбул, Турция, 2000 г.);
- дипломант Международного фестиваля творческой молодежи «Шабыт» (г. Астана, 2002 г.);
- лауреат III-степени Международного фестиваля творческой молодежи «Шабыт» (г. Астана, 2003 г.);
- лауреат I-степени Международного фестиваля детского творчества «Бозторғай» (г. Алматы, 2004 г.);
- лауреат I-степени Международного фестиваля детского творчества «Бозторғай» (г. Алматы, 2009 г.);
- лауреат III-степени Международного фестиваля творческой молодежи «Шабыт» (г. Астана, 2010 г.);
- обладатель «ГранПри» республиканского детского конкурса «Балбөбек» (г. Астана, 2010 г.);
- лауреат III-степени Международного конкурса молодежи «Талисман удачи» (г. Аланья, Турция, 2011 г.);
- лауреат II-степени Международного конкурса молодежи «Просторы вдохновения» проведенного по Международному проекту Российской Федерации «Салют талантов» (г. Астана, 2013 г.);
- лауреат II, I-степени Международного конкурса молодежи «Просторы вдохновения» проведенного по Международному проекту Российской Федерации «Салют талантов» (г. Дубай, ОАЭ, 2015 г.).

Для учеников балетной школы труд Болат Мейрбекова бесценен. За огромный вклад в развитие культуры и искусства страны он был награжден почетными грамотами Верховного Совета Казахской ССР, Министерства культуры, информации и общественного согласия РК, Министерства образования и науки РК, дипломом «Лучший учитель» международного конкурса детского творчества «Талисман удачи».

Болат Мейрбеков тесно сотрудничал и обменивался опытом с высшими учебными заведениями Казахстана. Выпускники учебных заведений проходили педагогическую практику и выполняли дипломные работы в стенах балетной школы. В 2006–2009 годы выпускники кафедры «Хореография» Казахской национальной академии искусств им. Т. Жургенова города Алматы Сауле Кали, Анар

Жусыпова, Асем Асылмуратова с успехом провели в Шымкенте творческий концерт дипломных работ.

Также в балетной школе проводились мастер-классы и изучались постановки таких хореографов, как Кадыр Андосов – профессор, декан факультета «Хореография» Казахской Национальной Академии искусств им. Т. Жургенова; Эдуард Мальбеков – Заслуженный артист РК; Гайникамал Бейсенова – Отличник образования, педагог по казахскому танцу Алматинского хореографического училища им. Селезнева; Наталья Гончарова – прима-балерина, профессор Казахской Национальной Академии искусств им. Т. Жургенова; Равиль Сайфуллин – Заслуженный деятель РК.

2009 год был одним из самых значительных в творческой жизни балетной школы. Ученики прикоснулись к творчеству профессиональных хореографов из Соединенных Штатов Америки по изучению современной хореографии и танца модерн. Также в театре оперы и балета Южно-Казахстанской области был поставлен одноактный балет «Шабьт» в стиле модерн в исполнении учеников балетной школы, которую возглавил американский хореограф Питер Клавис с участием балетмейстеров из Калифорнии, Нью-Йорка и Гавайев. Для молодых танцоров это была огромная школа современной хореографии. Мероприятие посетили Габриэль Гимонд – директор отдела искусства, информации и образования посольства Соединенных Штатов Америки в Казахстане; Ляйля Мамбетова – балетмейстер, оставив восторженные отзывы и пожелания ученикам балетной школы.

В 2008–2011 годах Болат Мейрбеков работал в качестве главного балетмейстера театра оперы и балета Южно-Казахстанской области. Им были введены в репертуар театра балеты «Доктор Айболит» И. Морозова, «Снежная королева» Р. Салаватова, в которых он задействовал молодых танцоров балетной школы с целью самоутверждения их на большой сцене.

В честь 15-летия балетной школы Куанышбек Сыдыков – народный артист Республики Кыргызстан, главный балетмейстер театра оперы и балета, коллега и друг Болат Мейрбекова, поставил одноактный балет П. Чайковского «Щелкунчик». Также в честь 15-летия учреждение стало именоваться как балетная школа им. Болат Мейрбекова.

За 40 лет трудовой деятельности Б.А. Мейрбеков проявил себя как мудрый руководитель, чуткий наставник болеющий за развитие и процветание культуры и искусства республики.

В 2013 году имя Болат Атахановича Мейрбекова было опубликовано в международной энциклопедии «Лучшие люди» в рубрике «Славные сыны и дочери Казахстана». Его заслуги и творческие достижения занесены в историю страны.

Список литературы:

1. Балетная школа им. Мейрбекова Болат Атахановича – [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://www.balet-school.kz/index.php/ru/> (Дата обращения 17.12.2015).
2. Жумасеитова Г. Хореография Казахстана. Период независимости – Алматы: «Жибек жолы», 2010. – 220 с. + 32 с. (цв. вклейка).
3. Хореографическое искусство XXI века: теория, практика и перспективы развития: сб. ст. Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию факультета «Хореография» – Астана, 2014. – 298 с.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

СЕКЦИЯ

«ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ»

КУЛЬТУРНАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО СЕЛА

Полуцыган Анастасия Александровна

*аспирант социологического факультета МГУ им. Ломоносова,
РФ, г. Москва*

E-mail: stasy64rus@yandex.ru

CULTURAL GLOBALIZATION AS A FACTOR OF TRANSFORMATION OF THE RUSSIAN VILLAGE

Anastasya Polycigan

*post-graduate student of the Lomonosov Moscow State University,
Russia, Moscow*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу основных факторов и механизмов культурной глобализации. Рассмотрены особенности трансформационных процессов российского общества. Особое внимание уделено влиянию процессов глобализации на социокультурное пространство современного российского села.

ABSTRACT

This article analyzes the main factors and mechanisms of cultural globalization. The features of transformation processes in Russian society. Particular attention is paid to the impact of globalization on socio-cultural space of modern Russian village.

Ключевые слова: культурная глобализация, культура села, российского общества.

Keywords: cultural globalization, the culture of the village, the Russian society.

Процессы глобализации, особенно отчетливо проявляющиеся последние десятилетия, охватывают все сферы общественной жизни и оказывают на них значительное влияние. Для отечественной практики это время совпало с глубокой и резкой трансформацией всего социокультурного пространства, наступившего после распада СССР. Глобализационные импульсы, затронули, прежде всего, экономику страны, которая больше не является замкнутой системой с региональной/локальной специализацией.

Обращаясь к анализу культурной глобализации, выделим несколько подходов к оценке этого феномена современной общественной жизни. С одной стороны, культурная глобализация представляется как объективный этап развития человеческой цивилизации, имеющий свои позитивные и негативные характеристики. С другой – может оцениваться как завершающий этап динамики локальных/самобытных/этно-национальных культур, предшествующий их дальнейшей унификации в контексте «единой глобальной культуры». Применительно к жизни современного российского села, культурная глобализация выступает одним из факторов ее динамики, оказывающим значительное воздействие на его локальное пространство.

Культурная глобализация развивается на основе принципов западноевропейской культуры и постиндустриального общества. Несмотря на то, что современная Россия явно не демонстрирует признаки последнего, глобализационные процессы, касающиеся сферы культуры и затрагивающие ценностно-смысловой аспект жизни человека, происходят у нас опережающими темпами. Как отмечает известный российский культуролог К.Э. Разлогов, характеризующий современную культуру и стремления человека: «наше желание развлечься опережает экономические реалии» [2, с. 282].

Культурная глобализация происходит на основе появления и массового распространения принципиально новых технических средств, изменяющих привычное социокультурное пространство, стиль жизни, формы общения, потребности и способы их удовлетворения и т. д. Наиболее подвержены указанным процессам жители мегаполисов, крупных городских центров к которым, в свою очередь, тяготеют средние провинциальные города. Однако нельзя

отрицать, что механизмы культурной глобализации действуют и в сельском пространстве, что в локальные миры доходят импульсы трансформационных процессов. Факторами, динамизирующими современную сельскую культуру, являются СМИ, мобильные средства связи, новые виды досуга (новые для локального пространства), широкий спектр использования Интернет-технологий.

Пожалуй, впервые феномены сельской культуры получили действенное средство выхода вовне, за пределы местной среды. В контексте многоликого Интернета, в условиях виртуального пространства развиваются многочисленные сообщества, социальные сети, позволяющие устанавливать контакт с любой точкой мира, имеющей выход в Сеть. Развитие Интернет-среды обнаруживает явную стратификацию ее пользователей по целям и задачам обращения к данному ресурсу. Во-первых, значительно опережая телевидение и другие СМИ по оперативности, Интернет становится источником информации о происходящих в мире и стране событиях.

Информирование здесь носит иной характер, т. к. наряду с Интернет-СМИ и профессиональными ньюсмейкерами, значительную долю информационного поля сегодня занимают сообщения очевидцев событий, которые сопровождаются видеозаписью, сделанной на месте с помощью непрофессиональной техники. При этом желающие могут обсуждать увиденное, высказывать свое мнение и предпринимать конкретные действия. Наглядным примером служит объединение Интернет-сообщества летом 2010 года во время лесных пожаров, охвативших территорию многих областей России. На фоне однотипных информационных сообщений по ТВ, блоггеры с мест передавали реальную информацию в режиме реального времени, позволившую Интернет-сообществу ориентироваться в происходящих событиях и осуществить проекты гуманитарного характера. Ныне нередко непрофессиональные информационные сообщения, появляющиеся в Интернете из разных источников, значительно опережают официальные СМИ.

Вместе с тем, большинство пользователей обращаются к Интернет-ресурсам в целях развлечения и поиска информации справочного характера. Характерной чертой нашего времени является стремление сельской молодежи к Интернет-ресурсам не только и не столько в целях получения новостной информации, сколько в учебных целях, для общения с друзьями, знакомств и главное – для получения музыкальных и кинематографических новинок, компьютерных игр, посещения развлекательных сайтов различного содержания.

В тоже время многие жители российских сел «выключены» из Интернет-среды и сетевого общения, не имея к нему технического доступа, материальных средств, а часто – и того, и другого. Если для столичного работающего жителя, наличие электронной почты и прочих программ зачастую является неперенным условием его профессиональной деятельности, то сельский житель может не испытывать потребности в Интернете в целях работы или общения на обычном уровне (особенно это касается людей старшего поколения).

Приобщение к Интернету своеобразно маркирует и разделяет жителей села по информационно-поведенческому признаку. С 2006 года Фонд «Общественное мнение»¹ начал работу над проектом «Люди – XXI», поставив цель – выявление людей способных осуществлять социальные инновации (отметим, что это исследование наряду с населением столицы и крупных центров коснулось жителей малых средних городов, а также сельского населения страны). Согласно исследованиям, так называемые «Люди – XXI», проектируют свое будущее и проявляют способность к осознанному накоплению и мобилизации образовательных, социальных и материальных ресурсов, демонстрируют самостоятельность и социальную устойчивость. Однако данный феномен характеризуется крайне утилитарным ценностно-смысловым наполнением. В современном российском обществе «Люди – XXI» выявлены исследователями, как в столице, так и в регионах. Этих людей, успешно адаптировавшихся к постсоветским условиям развития российского общества, объединяет то, что все затрачиваемые усилия (на учебу, работу, социальную мобильность, использование различных инноваций) *направлены на возрастание потребления, а модернизация общества понимается ими, в первую очередь, как модернизация качества жизни.* Важной чертой этих представителей сельского сообщества является способность быстро осваивать новое и адаптироваться к меняющейся среде.

Культурная глобализация все больше обретает черты глокализации, когда с одной стороны нарастают глобальные процессы, втягивающие в себя мировое культурное пространство, а с другой – повышается стремление к локализации, сохранению и развитию местных культур и сообществ. В этом смысле культура российского села находится на пересечении двух импульсов, имеющих

¹По материалам официального сайта Фонда Общественное мнение // www.fom.ru

разнонаправленные векторы. Первый – включение локального мира в общемировые и общецивилизационные культурные процессы; второй – осознание ценности и значимости локальной сельской культуры и попытка ее сохранения и изменений на основе учета самобытных характеристик конкретного региона.

Ведущим фактором динамики сельской культуры в условиях культурной глобализации выступает массовая культура, приобретающая в современном мире особые характеристики, существенно отличающие ее от прежнего варианта второй половины XX века.

Современная массовая культура – это имеющий глобальное распространение тип культуры, для которого характерны: ориентация на массовый потребительский рынок, использование современных информационных технологий, курс на развлекательность и гедонизацию жизни, а также претензии на тотальное доминирование своих смыслов и ценностей. Массовая культура способна изменяться, трансформироваться под влиянием местных условий и развиваться, проявляя гибкость, с учетом направления мировой динамики, с одной стороны, и региональных особенностей – с другой [1].

Современную массовую культуру можно рассматривать и определять как феномен, который своеобразно «пронизывает» все морфологические единицы существующей культуры. В большей или меньшей степени она оказывает влияние на многие виды и формы культурных практик. При традиционном делении культуры на классическую, элитарную, народную составляющие, массовую культуру нельзя поставить с ними в один ряд. Уточним, что речь не идет об особой исключительности и значимости массовой культуры по сравнению с остальными структурными компонентами системы культуры. Однако, она связана с каждой из составляющих, проникая в процессы их функционирования и видоизменяя их. Кроме внешних проявлений, связанных, например, с массовым использованием технических средств для трансляции и хранения образцов классической и элитарной культуры, благодаря которым они становятся легкодоступными и утрачивают былую ауру исключительности, массовая культура активно изменяет ценностно-смысловое содержание жизни.

Особую значимость имеет механизм взаимодействия ценностей и смыслов, взаимопроникновение культурных кодов массовой и сельской культуры. Представляется, что последняя является носителем семантического образа народной культуры. Именно сфера ценностей и смыслов является основанием самобытности культуры, центром традиции. Идентификация культуры, как отличной от других, происходит на основе сохранения во времени аутентичных кодов и ценностей, отражающих сущность семантического ядра культуры

и позволяющих ей воспроизводиться и развиваться через поколения носителей. По мнению В. Хесле, культуры «посредством составляющих их систем ценностей, категорий, символов и языков настроены на последовательный и соответствующий реальности образ мира» [3, с. 114].

Процесс взаимодействия массовой и сельской культуры происходит на ценностном уровне. Именно они (ценности) являются основой, объединяющей в единое целое народ, культуру. Столкновение ценностей разного характера и смыслового содержания способно породить конфликт, а также привести к трансформации или гибели одних ценностно-смысловых конструктов и замене их другими. Таким образом, возникает проблема взаимовлияния и сосуществования ценностно-смыслового содержания традиционной и массовой культуры.

Трансформируется семантическое ядро традиционной сельской культуры. Есть реальная опасность размывания уникального культурного пространства российского села под воздействием самых низких образцов и проявлений массовой культуры и популярного искусства. На наш взгляд, современная сельская культура содержит в себе значительную семантическую составляющую народной культуры. Несмотря на крайние точки зрения, относительно судьбы народной культуры, которые сформировались в последнее время, именно она остается базовой частью современной культуры России.

Многообразие мира культуры проявляется в одновременном сосуществовании, казалось бы, взаимоисключающих друг друга видов и форм культуры, которые оказывают значительное взаимное влияние. Несмотря на активное вторжение продукции массовой культуры и популярного искусства практически во все сферы жизни современного человека, все же по ряду причин, она не способна стать всепоглощающей формой современной культуры. Особенно это касается явно невозможного «растворения» в себе народной культуры, которая воплощена в жизнедеятельности сельских жителей.

Список литературы:

1. Купцова И.А. Социокультурные механизмы адаптации личности в условиях современной массовой культуры: диссертация ... кандидата культурологии. – Орел, 2002. – 176 с.
2. Разлогов К.Э. Интернет и постцифровой мир искусства // Культурология: фундаментальные основания прикладных исследований / Под ред И.М. Быховской. – М.: Смысл, 2010 – С. 282.
3. Хесле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии. – 1994. – № 10. – С. 114.

ФИЛОЛОГИЯ

СЕКЦИЯ

«ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ»

ОСОБЕННОСТИ НЕОФИЦИАЛЬНОГО СТИЛЯ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ, СМС-ПЕРЕПИСКИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Скворцова Евгения Евгеньевна

*старший преподаватель кафедры романских языков
ТГПУ им. Л.Н. Толстого,
РФ, г. Тула
E-mail: chat37@mail.ru*

Есина Мария Геннадьевна

*студент 4 курса, кафедра английской филологии ТГПУ
им. Л.Н. Толстого,
РФ, г. Тула
E-mail: maryes17@yandex.ru*

PECULIARITIES OF THE INFORMAL STYLE OF WRITTEN SPEECH, TEXTING IN MODERN ENGLISH

Eugenia Skvortsova

*head teacher of the Latin languages Department
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
Russia, Tula*

Maria Yesina

*four-year student, English Philology Department
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
Russia, Tula*

АННОТАЦИЯ

Благодаря новейшим технологиям, привнесенным в нашу жизнь стремительным развитием научно-технического прогресса, люди получили возможность постоянно поддерживать коммуникацию. В наши дни много говорят о языке неформального общения посредством смс или электронной почты, как особом коммуникативном коде. Одной из проблем современной лингвистики является фиксация языковых средств, обслуживающих данный код, ввиду постоянной эволюции языка разговорной речи и насыщения его новыми понятиями. В данной статье рассматриваются основные лингвистические особенности смс-переписки в современном английском языке, выявляются некоторые причины популярности такого вида коммуникации, делаются выводы о высокой эмотивной окрашенности современной переписки и обязательном наличии смайла (смайлика), как маркера неофициального стиля общения.

ABSTRACT

Due to the latest technologies brought to our lives by the rapid development of scientific and technical progress, people got an ability to maintain communication. Today there is a lot of talk about the language of informal communication by means of sms or e-mail as a special communicative code. One of the problems of modern linguistics is to fix language means serving this code. In this article the main linguistic peculiarities of texting in modern English are viewed, some key reasons of texting popularity in the modern world are marked, conclusions about the high emotive coloring of modern texting and obligatory usage of smiley as a marker of informal communication style.

Ключевые слова: коммуникация, смс-сообщение, эргономия лексических средств, смайл, аббревиатура.

Keywords: communication, texting, lexical means ergonomics, smile, abbreviation.

В наши дни люди все чаще выбирают для общения электронную почту или обмен мгновенными сообщениями. Быстрый ритм жизни, увеличенный объем получаемой и передаваемой информации делают электронные сообщения эффективными и актуальными, так как они катализируют процесс решения поставленных задач. Появление новых средств общения приводит к серьезным изменениям на языковом уровне: появляются новые слова и обозначения. Подобно живому организму язык реагирует на все процессы, происходящие в обществе, преобразуется, следует всем модным веяниям, вследствие чего

происходит обогащение разговорной речи. Множество людей предпочитают смс-сообщения телефонным звонкам.

SMS (англ. Short Message Service – служба коротких сообщений) – технология, позволяющая осуществлять приём и передачу коротких текстовых сообщений посредством сотового телефона.

Можно найти большое количество элементов языка SMS в Интернете, также издаются специальные книги и справочники, включающие в себя sms-лексику. Тем не менее, все эти сведения не всегда унифицированы и актуальны за счет языковой реализации постоянно внедряемых в жизнь научно-технических достижений.

Неофициальный стиль письма очень распространен в повседневной жизни. Именно он используется при ведении смс-переписки с друзьями и знакомыми. Первые SMS впервые появились в 1991 году. Поначалу эту функцию использовали далеко не все, но спустя более 10 лет эта опция стала одной из самых востребованных, ведь переписываться по смс – выгодно и удобно.

Самое первое смс было отправлено в конце 1992 года Нейлом Пэпуорсом, инженером компании Vodafone. Так разработчики смс представили миру новую возможность мобильного телефона, без которой последующие годы человечество уже не представляло жизнь.

В рамках данной статьи рассмотрим некоторые лингвистические особенности смс-переписки:

1. Графические и лексические сокращения, аббревиатуры.

Наличие лексических и графических сокращений в текстах объясняется принципом экономии усилий, они рассчитаны на зрительное восприятие текста.

Примеры популярных графических сокращений:

2moro – Tomorrow – Завтра

2day – Today – Сегодня

B4N – Bye For Now – Пока

4ever – Forever – Навсегда

Неофициальный стиль письма также характеризуется различными лексическими сокращениями и аббревиатурами.

Аббревиатура – (*итал.* abbreviatura от *лат.* brevis – краткий) слово, образованное из начальных букв или из начальных звуков слов, входящих в исходное словосочетание (инициальная аббревиатура) [1, с. 65].

Общаясь по переписке в обыденных ситуациях, мы стараемся донести информацию как можно скорее, прилагая минимум усилий, поэтому с каждым годом появляется все больше общеизвестных сокращений, широко используемых повсеместно, к примеру:

YDAY – Yesterday – Вчера. BD или BDAY – Birthday – День рождения

PLZ – Please – Пожалуйста

CU – See You – До скорого

THX – Thanks – Спасибо [2, с. 27].

2. Использование паралингвистических средств коммуникации (эмотиконов и смайликов).

Смайлик – (англ. *smiley* – «улыбающийся») или счастливое лицо (☺/☻) – стилизованное графическое изображение улыбающегося человеческого лица).

Например, разнообразные жесты и мимика, сопровождающие устную речь, могут заменяться в ходе смс-коммуникации специальными пиктограммами – «смайликами» или эмотиконами (*emotion+icon*) [3, с. 18].

Простейший смайл состоит из двоеточия, тире и закрывающейся скобки и имеет следующий вид: :-)

Если посмотреть на такой значок под углом в 90°, станет понятно, что это изображение адресованной улыбки собеседника.

Смайлики (эмотиконы) существуют двух видов:

1) текстовые, составленные из знаков препинания, букв и цифр:

:/ - Wry face – Перекошенное лицо

:P – Tongue out just kidding – Лицо, показывающее язык

2) графические (картинка/иконка)

3. Сленг.

Помимо сокращений и смайликов в современном английском языке в неофициальных письмах и смс-сообщениях нередко можно встретить сленговые выражения. Датировка появления данного термина в литературе устанавливается по Большому Оксфордскому словарю [5, с. 762], где указывается, что впервые термин «сленг» со значением “*language of a low or vulgar type*” засвидетельствован в 1756 году. Сленг – это комплексное, сложное и неизбежное языковое явление. Возникновение сленга обусловлено социокультурными и историческими изменениями жизни общества [4, с. 128]. По этой причине употребление сленга особенно широко в устной речи, а также в неофициальном стиле письменной речи.

В настоящее время представить нашу жизнь без общения по смс невозможно, мы получаем и отправляем смс ежедневно, по этой причине смс-язык уже приобрел определенные языковые особенности.

Таким образом, можно сделать вывод, что современное смс-сообщение больше напоминает шифр из-за обилия сокращений и аббревиатур, которые используются практически в каждом

сообщении. Именно они позволяют сделать сообщение более емким, так как при написании смс преобладает тенденция к эргономии лексических средств. Следующей характерный для анализируемых сообщений элемент – смайлы, без которых также сложно представить процесс современной коммуникации.

Список литературы:

1. Борисов В.В. Аббревиация и акронимия. – М: АСТ, 2004. – 235 с.
2. Голденков М. Осторожно, hot dog! Современный активный English. – 2-е изд., испр. и доп. – М., ЧеРо, 1999. – 188 с.
3. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. – М.: Высшая школа, 2007. – 356 с.
4. Смирнов И.П. Порождение интертекста. – СПб.: СПбГУ, 1995. 193 с.
5. Oxford University Press, Concise English Dictionary. – Publisher: Oxford University Press; 11 Revised edition – 1295 с.

КОНЦЕПТ «ОДЕЖДА» В ОБРАЗНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Ларина Татьяна Андреевна

*асп. кафедры английской филологии и перевода
Санкт-Петербургского государственного университета,
РФ, г. Санкт-Петербург
E-mail: djaaazik@mail.ru*

THE CONCEPT OF CLOTHES IN ENGLISH LEXICAL ITEMS WITH FIGURATIVE MEANING

Tatiana Larina

*asp. of the English Philology and Translation Studies Department
at Saint Petersburg State University,
Russia, Saint Petersburg*

АННОТАЦИЯ

В докладе представлены результаты лингвокогнитивного анализа образных единиц английского языка, репрезентирующих концепт одежды, который в свою очередь является составной частью концепта

«внешность». В рамках исследования удалось выделить 8 семантических групп. Данные группы создавались с учетом обобщенного значения понятийных полей, в которых оказывалась лексическая единица после семантического переноса. Подобная классификация способствует систематизации и обобщению информации, которая в дальнейшем может быть использована для реконструкции английской языковой картины мира.

ABSTRACT

The report presents the results of the linguistic and cognitive analyses of English lexical items with figurative meaning representing the concept of clothes, which is a part of the concept of appearance. In the framework of this study eight semantic groups were formed. These groups were created on the base of the generalized meaning of conceptual fields where the lexical items appeared after the process of semantic shift. This kind of classification helps to organize and systematize information, which can be used to reconstruct the English linguistic worldview.

Ключевые слова: концепт; образные лексические единицы; одежда.

Keywords: concept; lexical items with figurative meaning, clothes.

Данная статья посвящена лингвокогнитивному анализу образных лексических единиц, репрезентирующих концепт одежды. Концепты являются ментальными образованиями высокой степени абстрактности, отражающими знания о мире, о предметах и явлениях его составляющих. Реконструкция концепта может осуществляться путем анализа множества средств его экспликации, среди них лексические единицы, прошедшие процессы семантической деривации [2]. Общеизвестно, что при образном представлении действительности переосмысляются те единицы, которые ассоциируются с культурно-национальными эталонами и стереотипами, воспроизводя при этом характерный национальный менталитет.

Одежда, как феномен и составляющая часть концепта «внешность», отражает становление и развитие национального сознания; ее описание видится важным для реконструкции языковой картины мира народа.

В английском языке имеются две лексемы со значением «одежда» – это *clothes* и *clothing*. В словаре Macmillan English Dictionary даются следующие дефиниции данных лексем:

Clothes – the things that you wear such as shirts, dresses, trousers etc.

Clothing – clothes in general.

В словаре Longman Dictionary данные лексемы определяются как:
Clothes – the things that people wear to cover their body or keep warm.

Clothing – clothes considered as a group, especially the clothes someone is wearing, or a particular type of clothes.

Основываясь на полевой теории концепта [2], возможно выделить приядерные элементы, представленные лексемами, которые имеют идентичные с приведенными выше значения. В английском языке концепт одежды представлен лексемами, которые являются синонимами слова “clothes”, согласно A Dictionary of English Synonyms and Synonymous Expressions, Webster’s New Dictionary of Synonyms: clothes, clothing, piece / item of clothing, garment, dress, apparel, attire, raiment, costume, covering.

В английской языковой картине мира концепт одежды также репрезентирован отдельными видовыми концептами, например, 1) одежда – blouse, coat, dress, jacket, shirt, skirt, suit; 2) элементы одежды collar, pocket, sleeve; 3) аксессуары – belt, beret, glove, hat, scarf, socks; 4) обувь – boot, shoe и другие.

Некоторые аксессуары, элементы одежды и обувь будут рассматриваться в данной работе в качестве наименований одежды, так как они служат тем же целям, что и одежда, то есть покрывают тело и служат для тепла, а также являются ее неотъемлемыми частями.

Методом сплошной выборки в словаре английского языка Macmillan English Dictionary удалось выделить 211 наименований одежды. Как оговаривалось ранее, в качестве материала используются только те языковые единицы, которые обладают образностью. Для данного исследования наибольший интерес представляют слова, образованные на основе взаимодействия разных понятийных полей (семантический перенос по М.Н. Лапшиной [1]), а не те, где семантическая деривация произошла внутри одной концептуальной сферы. Только 18 единиц (belt, bonnet, boot, cap, cloak, coat, collar, cuff, hat, hood, hoodie, jacket, petticoat, pocket, shoe, skirt, sleeve, suit) удовлетворяют данным условиям.

При семантическом переносе используется название объекта одного класса для описания объекта другого класса на основании их сходства или смежности. При анализе полученного материала было выделено 8 семантических групп. Данные группы создавались с учетом обобщенного значения понятийных полей, в которых оказывалась лексическая единица после семантического переноса. Группы представлены в порядке уменьшения общего количества примеров.

1) Технические наименования (7 единиц).

Техническая метафора является одним из видов номинативной (или идентифицирующей) метафоры, которая строится либо на сходстве предметов по функции, либо на сходстве по какому-либо очевидному признаку. Основная функция такой метафоры – это наименование предмета или явления. Belt – лента конвейера, bonnet – капот машины; boot – колесный зажим, блокиратор; coat – облицовка, верхний слой чего-либо; collar – втулка (деталь машины, механизма, прибора цилиндрической или конической формы, имеющая осевое отверстие, в которое входит сопрягаемая деталь); skirt – юбка автомобиля (нижняя кузовная деталь передней и/или задней части); sleeve – рукав (шланг для перемещения веществ (жидкостей)), муфта (деталь для соединения труб).

2) Наименование человека (5 единиц).

В данной группе перечислены примеры, где происходит перенос из семантического поля одежда в семантическое поле человек. Приведенные ниже лексические единицы являются примерами признаковой метафоры, то есть в данных лексемах сохраняется эмоционально-оценочный компонент и экспрессивность. Hoodie – потенциальный хулиган (Безразмерная кофта с капюшоном в последнее время является неотъемлемой частью уличной моды. Способная скрывать внешность, такая одежда стала ассоциироваться с преступниками.); petticoat – женщина, turncoat – перебежчик; skirt – женщина; suit – офисный работник (обычно так называют неприятного, несправедливого начальника).

Важно отметить, что приведенные выше лексические единицы в новом значении принадлежат к разговорному стилю и приобретают ироничную или пренебрежительную окраску.

3) Виды покрытия (6 единицы).

Car – крышка, зубная коронка; hood – навес, покрывка; jacket – обложка книги или компакт диска; cloak – маскировка; overcoat – гроб; sleeve – упаковка для компакт диска.

При переходе в другие понятийные поля лексические единицы сохраняют свою основную сему – «покрытие». С точки зрения теории семантической деривации, данные примеры могут быть отнесены к такому процессу как смещение, который является одним из видов семантического сдвига. При данном процессе добавляются ассоциативные признаки, что сближает его с семантическим переносом, поэтому приведенные примеры можно считать принадлежащими к пограничной области между процессами семантического переноса и сдвига.

4) Биология (4 единицы).

Coat – мех, шкура, collar – загривок, whitecoat – детеныш тюленя; yellowjacket – оса.

В данной группе интересно отметить то, что животные именуются при помощи названий одежды, так как их внешний вид схож с данными элементами.

5) География (3 единицы).

Belt – географическая зона; pocket – зона, район; skirt (outskirt) – окраина (за границей чего-либо).

6) Спорт (3 единицы).

Belt – знак отличия в спортивном единоборстве; cap – игрок определенной, чаще футбольной, команды (традиция одевать форму (футболка и шорты) появилась не так давно. Раньше игроков можно было отличить друг от друга только по командным головным уборам); pocket – луза (бильярд).

7) Деньги (3 единицы).

Cap – лимит денежных средств, которые можно потратить; pocket – свои собственные деньги; shoestring – маленькое количество денег. Этимология данного значения лексической единицы затемнена. Обычно предлагаются следующие варианты. 1) Должники, сидящие в тюрьме, спускали из окна свои ботинки при помощи шнурков, надеясь, что прохожие пожертвуют им деньги. *The American Heritage Dictionary of Idioms*. 2) В 1880х в США людей, которые играли на мелких ставках и при этом носили очень узкие галстуки, называли shoestring gamblers. 3) Шнурок – что-то тонкое, маленькое, дешевое.

8) Ограничение (3 единицы).

Collar – ошейник, арест; cuff – наручники; straightjacket – серьезные, непреодолимые ограничения.

Данные лексические единицы являются разговорными и употребляются только в неформальных ситуациях.

Несколько единиц не удалось объединить в семантические группы. Например, belt – сильный удар (удар ассоциируется с тем элементом одежды, который используется, чтобы произвести удар). Bootstrap – добиваться чего-либо без посторонней помощи, программа загрузки компьютера. Изначально bootstrap – петелька в верхней части голенища сапога, при помощи которой легко и удобно их натягивать. Hat – должность, обязанность (чаще дополнительная) на работе. В разных компаниях может быть разная форма одежды.

Проведенный анализ показал, что лексические единицы, обозначающие наименования одежды, редко участвуют в процессах семантической деривации. Чаще всего у носителей английского языка

одежда ассоциируется с образом носящего ее человека, а также по функции или признаку с какой-либо технической реалией.

Список литературы:

1. Лапшина М.Н. Семантическая деривация в когнитивном аспекте: на примере английского языка: дис. на соиск. учен. степ. д. филол. наук. – С-Пб., 1996. – 331 с.
2. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. – Воронеж: ВГУ, 2002. – 151 с.
3. A Dictionary of English Synonyms and Synonymous Expressions / Richard Soule. Vancouver: Read Books, 2008. – 636 p.
4. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners / Michael Rundell. London: Macmillan, 2007. – 1748 p.
5. The American Heritage Dictionary of Idioms / Christine Ammer. Boston: Houghton Mifflin, 1997. – 729 p.
6. Merriam-Webster's New Dictionary of Synonyms. Springfield, MA: Merriam-Webster, 1984. – 940 p.

СЕКЦИЯ

«ЖУРНАЛИСТИКА»

ВОСПОМИНАНИЯ УЧЕНЫХ КАК ИНСТРУМЕНТ СТИМУЛИРОВАНИЯ ЧТЕНИЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ ИЗДАНИЙ ПО ЕСТЕСТВОЗНАНИЮ

Соколова Ирина Сергеевна

*канд. филол. наук, доц. Московского государственного
университета печати имени Ивана Федорова,*

РФ, г. Москва

E-mail: irso@yandex.ru

MEMOIRS BY SCIENTISTS AS AN INSTRUMENT OF STIMULATION OF READING THE POPULAR SCIENTIFIC ISSUES ON THE NATURAL SCIENCES

Irina Sokolova

*candidate of philological sciences, assistant professor
of Moscow State University of Printing Arts named after Ivan Fedorov,
Russia, Moscow*

АННОТАЦИЯ

Выявлена специфика изданий, представляющих собой публикации воспоминаний, работающих в естественнонаучных областях ученых. Проанализированы возможности таких изданий стимулировать интерес к чтению других научно-популярных изданий по естествознанию в современных социокультурных условиях.

ABSTRACT

Specifics of the issues representing publications of memoirs by the scientists working in the natural-science areas are revealed. Possibilities of such issues to stimulate interest in reading other popular scientific issues on the natural sciences in the modern sociocultural conditions are analyzed.

Ключевые слова: чтение; научно-популярные издания; воспоминания; ученые; естественные науки.

Keywords: reading; popular scientific issues; memoirs; scientists; natural sciences.

В общем массиве всех современных изданий можно выделить не столь значительную по числу названий и тиражам, но весьма специфическую по типологическим признакам группу изданий, представляющих собой публикацию воспоминаний известных ученых, работающих в области естественных наук. Специфичность тут заключается в соединении в одном издании элементов естественнонаучных знаний с их объективностью и гуманитарной составляющей, несущей субъективность индивидуального, личностного восприятия событий, сопровождавших получение новых естественнонаучных знаний, или субъективность прогнозов на будущее, а также субъективность формы, в которой выдающийся ученый выражает свои мысли. В подобных изданиях «онтология физического мира» соприкасается с «онтологией гуманитарного мира» [3, с. 110]. И в этом соприкосновении можно усмотреть большие возможности, связанные со стимулированием чтения научно-популярных изданий естественнонаучной тематики.

Современная эра развития естествознания – это время «без героев», время коллективности научно-исследовательской деятельности, когда даже к самому заметному открытию по праву причастны сразу многие люди, каждый из которых является узким специалистом в своей области [2, с. 25]. И в этих условиях отдельная личность подчас стремится заявить о себе не только благодаря выдающейся научно-исследовательской деятельности, но и с помощью написания и опубликования воспоминаний.

Рассмотрим два издания, в рамках которых публикуются воспоминания ученых, работающих в сфере естественных наук. Одно из них – «Избегайте занудства: Уроки жизни, прожитой в науке» лауреата Нобелевской премии по физиологии и медицине 1962 года Джеймса Уотсона (пер. с англ. – М.: Астрель: CORPUS, 2010). На примере следующего отрывка из данного издания покажем, как тесно соединяются естественнонаучные и социокультурные начала даже в таком небольшом фрагменте:

«Исследования рибосом к тому времени показывали, что их структура намного сложнее, чем мы предполагали, и Альфред Тиссер убедил специалиста по химии белка, валлийца Юэна Харриса, на время приехать к нам из Кембриджа, чтобы помочь с этой работой. Поначалу мы считали, что на молекулярном уровне рибосомы

устроены так же просто, как небольшие вирусы растений. Но первый же анализ концевых групп аминокислот, проведенный Юэном, показал, что рибосомы содержат намного больше белков, чем он мог успешно разделить, пользуясь доступными тогда методами. В связи с этим остаток весны он искал утешения, пробуя еще не знакомые ему сорта американского пива» (с. 195).

Второе издание – «Расшифрованная жизнь: Мой геном, моя жизнь» Крейга Вентера, известного успехами в области расшифровки генома человека (пер. с англ. – М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2015. (Universum)). Цитата из этого издания демонстрирует сопряжение универсального (законов и закономерностей естественных наук) и уникального (жизни конкретного человека):

«... В общем мы действительно знаем, что именно последовательность расположения букв в ДНК (воплощенная в клетке с помощью более древней генетической молекулы РНК – рибонуклеиновой кислоты) и есть секрет того, как создать, в моем случае, одного конкретного Крейга Вентера» (с. 14).

Обратим внимание на то, что и то, и другое издание являются переводными. Для естественных наук в отличие от наук гуманитарных характерна интернациональность, и, как пишет О.В. Михайлов, если «их предмет исследования и объекты в принципе одинаково интересны исследователям независимо от их принадлежности к тому или иному народу и государству ..., то весьма значительная часть изысканий в сфере гуманитарных наук носит ярко выраженный национальный характер и, как правило, интересна лишь исследователям-гуманитариям той страны и (или) народа, с которыми она связана» [6, с. 276]. Отсюда следует и вывод об универсальности интереса со стороны читателей разных стран к произведениям-воспоминаниям крупных ученых, работающих в сфере естествознания.

В современных условиях жизнь и деятельность ученого, занятого в естественных науках, попадает в поле внимания средств массовой информации в основном тогда, когда существует возможность рассказать о сенсации, иногда ложно понимаемой СМИ. Так, В.В. Хорольский подчеркивает «один из парадоксов эпохи: масскульт, стремясь к коммерческому успеху, пропагандирует не только «настоящие груди» какой-нибудь Семенович, но и успехи космонавтов и нанотехнологов, а «желтая» пресса с одинаковым вниманием следит за достижениями артистов эстрады и ученых, ведь всюду есть шанс для открытий и сенсаций» [7, с. 351]. Публикация воспоминаний самих ученых дает возможность заинтересованному читателю иметь «информацию из первых рук», пусть и с определенной

временной задержкой. Однако важно тут то, что человек, познакомившийся с подобным изданием, не только получит представление о конкретном ученом и его вкладе в развитие определенной отрасли науки, не только расширит свои естественнонаучные знания в этой отрасли, но и с большой степенью вероятности будет и в дальнейшем следить за публикациями в русле этой темы.

Уточним, что научно-популярные издания по естественным наукам могут быть адресованы читателям разных групп. «Под научной ... популяризацией (или – популяризацией науки) в настоящее время понимается процесс распространения научных знаний в современной и доступной форме для широкого круга людей (*имеющих определенный уровень подготовленности для получения информации* (курсив наш. – И.С.))», – указывает Е.Е. Макарова [5, с. 98]. Издания, представляющие собой публикации воспоминаний ученых, также можно отнести к числу научно-популярных. Вместе с тем воспоминания ученых, как правило, значительно более доступны, понятны и занимательны по сравнению с научно-популярными изданиями, раскрывающими исключительно естественнонаучную проблематику и предназначенными достаточно хорошо подготовленным в соответствующей области читателям (например, специалистам из смежных отраслей). Воспоминания ученых имеют куда более широкую читательскую аудиторию, и далеко не каждый из состава этой аудитории прочтет все научно-популярные издания, относящиеся к теме.

Сегодняшняя социокультурная ситуация часто вынуждает человека читать только лишь с прагматическими целями [4, с. 60]. Проблема чтения научно-популярных изданий по естествознанию для расширения кругозора, для формирования научного мировоззрения стоит весьма остро. В связи с этим чтение воспоминаний ученых, написанных как захватывающий роман, нередко и с юмором, способно, по нашему мнению, оказывать положительное воздействие на развитие чтения научно-популярных изданий естественнонаучной тематики в целом. С научно-популярными изданиями по естествознанию, в том числе и с воспоминаниями ученых, ныне конкурируют разнообразные сайты, блоги, влоги и т. д. [1, с. 47]. Эту особенность стоит учитывать при подготовке к публикации воспоминаний ученых и других научно-популярных произведений, обеспечивая указание ссылок на связанные семантически интернет-ресурсы, что дает возможность создавать единое информационное пространство, формируемое различными носителями.

Список литературы:

1. Абрамов Р.Н. Концептуализация феномена Popular Science: модели взаимодействия науки, общества и медиа / Р.Н. Абрамов, А.А. Кожанов // Социология науки и технологий. – 2015. – Т. 6, № 2. – С. 45–59.
2. Егорова Г.И. Микро- и макроконтест научной деятельности ученого-исследователя / Егорова Г.И., Егоров А.Н. // Вестник ТОГИРРО. – 2015. – № 1. – С. 25–28.
3. Кривых Л.В. Коммуникация: человек как «текст» // Противоречие и дискурс. – М.: ИФ РАН, 2005. – С. 108–122.
4. Любарский Г.Ю. Новый наряд Гутенберга. – М.: КМК, 2015. – 166 с.
5. Макарова Е.Е. Популяризация науки в Интернете: содержание, формы, тенденции развития // Вестник Московского университета. Сер. 10 «Журналистика». – 2013. – № 2. – С. 98–104.
6. Михайлов О.В. О различиях в оценке качества научной деятельности в естественных и гуманитарных науках // Вестник Казанского технологического университета. – 2012. – Т. 15, № 9. – С. 276–278.
7. Хорольский В.В. Популяризация науки в зарубежной публицистике рубежа XX–XXI вв. // Информационное поле современной России: практики и эффекты: материалы Двенадцатой Междунар. науч.-практ. конф. – Казань: Казан. ун-т, 2015. – С. 348–355.

СЕКЦИЯ

«ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ»

«ЭЛЕМЕНТ СЛУЧАЙНОГО» В РОМАНАХ АХМЕТА УМИТА

Аврutiна Аполлинария Сергеевна

*канд. филол. наук, доц. кафедры
междисциплинарных исследований в области языков и литературы
Санкт-Петербургского государственного университета, доц. кафедры
теории и методики преподавания языков и культур Азии и Африки
Санкт-Петербургского государственного университета,
РФ, г. Санкт-Петербург
E-mail: a.avrutina@spbu.ru*

Рыженков Андрей Сергеевич

*студент Санкт-Петербургского государственного университета,
РФ, г. Санкт-Петербург
E-mail: andrei.s.ryzhenkov@gmail.com*

“ELEMENT OF ACCIDENTAL” IN AHMET UMIT'S NOVELS

Apollinaria Avrutina

*phD in Philology, Associate Professor of Interdisciplinary Studies
in Language and Literature, Associate Professor of the Theory and Methods
of Teaching Languages and Cultures of Asia and Africa,
Saint Petersburg State University,
Russia, Saint Petersburg*

Andrei Ryzhenkov

*student of Saint Petersburg State University,
Russia, Saint Petersburg*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются некоторые особенности структуры и сюжетного построения романов известного турецкого автора детективов Ахмета Умита. В статье демонстрируется, что автор турецких детективов использует ряд необычных для детективного жанра приемов, которые обеспечивают читательское внимание на протяжении всей книги. В частности, одним из таких методов является «элемент случайного». С одной стороны, сюжет каждого романа развивается по канонической схеме. С другой стороны, ряд сюжетных элементов каждого романа А. Умита демонстрирует намеренное отступление от канона. Развязка сюжета в каждом из рассмотренных нами романов происходит как бы «случайным» образом. «Элемент случайного» в повествовании становится главным элементом сюжета, который и позволяет довести повествование до развязки.

ABSTRACT

This article takes a look at some features of the structure and plot organization in the novels by a popular Turkish detective writer Ahmet Ümit. The article shows that the author uses a number of techniques that are quite uncommon for the detective genre, which helps capture the reader's attention throughout the whole book. One of these techniques is the "element of randomness". On one hand, the plot of every novel unfolds according to a canonical scheme. On the other hand, a number of plot elements in each of Ümit's novels show a deliberate derogation from the canon. The plot resolution in each of the considered novels is always apparently "random". The "element of randomness" in the narrative becomes the main element of the plot, allowing to bring the narration to the end.

Ключевые слова: Турция, турецкий детектив, детектив, Ахмет Умит.

Keywords: Turkey, turkish detective fiction, detective fiction, Ahmet Ümit.

Ахмет Умит — один из самых популярных и знаковых для современной литературной сцены Турции авторов.

Ахмет Умит появился на свет 30 сентября 1960 г. в городе Газиантепе, на юго-востоке Турции. Среди семи детей был младшим. После окончания школы, в 1978 г. Умит перебирается в Стамбул и начинает изучать государственное и муниципальное управление в Мраморноморском университете. В 1983 г., в год выпуска из университета он пишет свой первый рассказ. (Информация

получена из личной переписки автора настоящей статьи с писателем). С 1974 по 1989 г. Ахмет Умит являлся активным членом коммунистической партии Турции. В 1985–1986 гг., покинув Турцию по поддельному паспорту, он учится в Высшей партийной школе в Москве [3, с. 430]. По его словам, именно эта поездка в Москву и утвердила его в желании стать писателем (Информация из архива А.С. Аврутиной). Один из его рассказов публикуют в Праге в 1985 г. в журнале «Проблемы мира и социализма». Это его первая авторская публикация [1]. В 1989 г. выходит первый стихотворный сборник Ахмета Умита – “Sokağın Zulası” («Укромный уголок улицы») Основная тематика стихотворений этого сборника – борьба молодого человека с государственной машиной за свои убеждения и идеалы [4, с. 7].

1992 – год выхода сборника рассказов “Çıplak Ayaklıydı Gece” («Ночь была босой») благодаря этому сборнику Ахмет Умит впервые становится известен широкой публике. За этот сборник он получает премию имени Ферита Огуза Байыра.

Начинавший как поэт и автор рассказов, свою дальнейшую литературную карьеру Ахмет Умит продолжит в детективном жанре. Первый его именно детективный роман “Bir Ses Böler Geceyi” («Голос разделяет ночь») выходит в 1994 г. Суммарный тираж книг Ахмета Умита выходит за отметку в 400 тысяч экземпляров, при этом сам автор отмечает то, что в это число не входят ещё и пиратские копии его сочинений (Информация из архива А.С. Аврутиной).

В настоящей статье будут рассмотрены три романа, которые позволяют условно разделить писательскую карьеру Ахмета Умита на три этапа.

Первым из этих романов является написанный в 1996 г. роман “Sis ve gece” («Туман и ночь»). В это романе Умит предстает как начинающий автор, еще не утвердившийся в детективном жанре, вполне вероятно, еще не планируя в дальнейшем работать только в нем.

После издания в 2000 г. романа “Patasana” («Патасана») Ахмет Умит уже обладает значительным признанием, выпускает по книге в год.

К моменту публикации романа “İstanbul Hatırası” («Воспоминания Стамбула») в 2010 г. писатель уже пользуется большой популярностью; в какой-то момент (2013–2015 гг.) становясь едва ли не самым продаваемым турецким автором в Турции, поэтому обращаясь к малоизученной в отечественном тюркологическом литературоведении теме современного турецкого детектива, Ахмета

Умита стоит рассматривать как одного из ведущих авторов этого направления, которому удалось рывок во внешний рынок, и о котором говорят не только потребители массовой литературы.

Практически во всех романах А. Умита обращает на себя внимание важная сюжетная особенность: раскрытие преступления не зависит от хода расследования. Сыщик мог бы вообще не проводить расследования, преступник всегда раскрывает себя сам, в зависимости от внешних причин, не связанных, однако, с расследованием. Здесь невозможно не вспомнить классическое определение детектива. *Детективная литература* – это литература, посвященная раскрытию методом логического анализа сложной, запутанной тайны, чаще всего связанной с преступлением [2, с. 66]. Таким образом, именно процесс следствия должен выводить героя и читателя к разрешению загадки.

Следует отметить, что в современной культурной традиции, связанной отчасти с идеями постмодернизма, достижением нередко считается несоответствие канону. В качестве примера можно привести ранние рассказы Владимира Сорокина, которые обыкновенно подвергают читателя в недоумение из-за резкого структурного и стилистического различия между началом и концом произведения. Несоответствие канону демонстрирует (псевдо)автобиография Орхана Памука «Стамбул. Город воспоминаний» (“İstanbul: Natırlar ve Şehir”), в которой автор старается создать у читателя впечатление прочтения своей подлинной автобиографии, однако книга сообщает во многом вымышленные детали жизни автора, в то время как жанр автобиографии подразумевает искреннее повествование о событиях собственной жизни. Здесь же можно упомянуть жанр мэшапа и его ярчайшего представителя – Сета Грэма-Смита и его роман «Гордость и предубеждение и зомби» (“Pride and Prejudice and Zombies”). Можно было бы сделать предположение, что Ахмет Умит, как современный писатель, который начал работать и продолжает работать в эпоху постмодернизма, мог иметь такие намерения, однако детальное знакомство с его романами показывает, что к деструкции жанра он всё же не стремится.

Обратимся к рассматриваемым романам.

Главный герой «Тумана и ночи» – офицер тайной полиции Седат. Седат женат, у него двое детей, в браке он счастлив, любит свою работу, все его родственники по мужской линии работали в тайной полиции.

После неудачного покушения Седат приходит в себя в больнице. Читатель узнает, что у Седата есть тайная страсть – молодая

студентка-художница Минэ. Седат когда-то спас её из полицейского участка, она была связана со студенческим политическим обществом.

Незадолго до покушения на Седата Мине рассталась с ним, ушла к поэту Фахри, который семь лет провел за решеткой из-за политической деятельности. Но вскоре она исчезает.

Выясняется, что покушение на Седата совершили два человека, одним из которых был как раз Фахри, который был убит как раз при покушении. Большую часть романа занимают розыски Седатом второго нападавшего и Минэ. Он верит, что нападение на него и исчезновение девушки должны быть связаны между собой. Скорее всего именно Фахри похитил Минэ, считает он.

В конце концов, Седат всё-таки настигает второго нападавшего и от него узнает, что девушка ожидала ребенка, скорее всего, от Седата. Оказывается, что Фахри не похищал Минэ, она исчезла и для него. Фахри считал, что девушку похитил Седат, чтобы скрыть компрометирующую его беременность, обвинить же в этом собирался Фахри. А покушение было «превентивным ударом» со стороны поэта.

Таким образом, версия о похищении Минэ Фахри оказывается не состоятельной.

Единственная ниточка, которая может вывести Седата к Минэ – это её беременность и намерение избавиться от ребенка.

У врача Синан узнает о том, что время перед собственным исчезновением Минэ проводила с медсестрой, связанной с террористической группой. Эта медсестра погибла во время задержания террористической группы, а в самом задержании участвовал Седат.

Только двум людям удалось в ночь задержания сбежать от полиции – один был позже убит в перестрелке, другой был ранен (как раз Седатом), но смог сбежать.

Седат отказывается верить в то, что вторым, раненым, но сбежавшим человеком могла быть Минэ. Месяц её пытаются найти «по моргам и больницам», но её нет нигде.

Только случайность позволяет Седату обнаружить Минэ. Во время одного из посещений мадам Элени, у которой Седат снимал квартиру, в которой жил с Минэ, её умственно отсталая дочка Мария говорит Седату, что знает, где Минэ, где «спит» Минэ. Она проводит его в подвал дома и направляется к большому рефрижератору. Седат с ужасом вспоминает историю, которую ему рассказала мадам Элени. Её муж был заядлым охотником, и, когда приходил домой с застреленной дичью, говорил Марии, чтобы не расстраивать её, что звери заснули, и что сейчас они будут спать в холодильнике.

Седат понимает, что он действительно ранил Минэ в вечер задержания террористической группы, он понимает, что единственное место, куда могла пойти Минэ после произошедшего – это их съемная квартира, он понимает, что ранение было достаточно тяжелым, и Минэ не могла подняться по лестнице на последний этаж. Становится понятным, что окровавленная Минэ, упавшая без сил на ступеньки лестницы, для умственно-отсталой Марии выглядела подобно дичи, которую после охоты приносил её отец. Мария любила Минэ, Мария не хотела, чтобы Минэ было плохо. Поэтому Мария подняла Минэ и отнесла её в холодильник в подвале, где Минэ должна была «заснуть». Именно в холодильнике и обнаруживает Седат труп своей любовницы.

Главная героиня «Патасаны» – Эсра Бейхан, археолог. Она становится начальником международной экспедиции, раскапывающей древний хеттский город в окрестностях Газиантепа. Вокруг начинают происходить таинственные убийства, которые местные жители связывают с проклятием черной гробницы, которую потревожили своими раскопками археологи. Расследование ложится на плечи Эсры – ведь это первая экспедиция, которой она руководит лично, к тому же были найдены глиняные таблички, содержащие автобиографию Патасаны, дворцового писаря в хеттском государстве, – находка чрезвычайной важности. Эсра не может допустить провала экспедиции, помогать ей берется Эшреф, глава местного военного гарнизона, с которым у героини быстро возникает любовная связь.

В конце концов удастся выяснить, что преступления подозрительно похожи на убийства армянского населения в этих местах в начале XX века. Героиня продолжает расследование, но вычислить убийцу не может.

Развязка происходит во время пресс-конференции, которую экспедиция устраивает для немецких журналистов в связи с обнаружением табличек Патасаны. После своего доклада один из участников экспедиции – американец Тимоти внезапно сознается в том, что все преступления совершил он, поскольку сам он армянского происхождения и из этих мест. Кровавые убийства же он совершил, чтобы привлечь внимание прессы, чтобы обратить внимание людей на то, какое зло сокрыто внутри них самих.

«Воспоминания Стамбула» – роман, входящий в цикл произведений Ахмета Умита о полицейском комиссаре Невзате. В этом произведении комиссар и его команда расследуют деятельность таинственных серийных убийц, жертвы которых всегда обнаруживаются рядом с известными историческими памятниками.

Тела жертв связаны так, что напоминают своим видом наконецник стрелы, который указывает в ту сторону, где будет найдена следующая жертва. В ладонь каждой жертвы вложена монетка, имеющая отношение к определенному историческому периоду. Все убитые имеют отношение к архитектуре и строительному бизнесу, след приводит комиссара к известному девелоперу Адему Йездану. Становится понятно, что именно он должен стать последней жертвой. Как только тот исчезает, полиция просматривает его ежедневник и понимает, с кем он должен был встретиться в роковой день. Так комиссару удастся вычислить преступников. Да и сама их миссия выполнена, им не нужно больше никуда спешить, они сами собираются сдать полицию.

Убийцы – это ближайшие друзья комиссара Невзата – ветеринар Демир и поэт Йекта. За три года до начала действия романа из-за несчастного случая при сносе исторического здания, сносе, который производился по заказу Адама Йездана, погибла жена Йекты Хандан и их маленькая дочь. Все жертвы же входили в комиссию, которая по результатам расследования сняла вину с Адама Йездана и санкционировала снос этого здания. Демир же был безответно влюблен в Хандан, и оба друга, потеряв смысл своей жизни, который воплощался в этой женщине, решили отомстить тем людям, которые отняли его у них, а также, на их взгляд, уничтожали архитектуру великого города. То есть, к концу романа ими убиты все шесть членов комиссии и главный виновник всего произошедшего Адам Йездан. Им только и остается, что сдать полицию и пояснить свои действия.

Проанализировав развязки трех романов Ахмета Умита, можно прийти к выводу, что автор достаточно вольно обращается с законами детективного жанра. С одной стороны, сюжет каждого романа развивается по канонической схеме. С другой стороны, ряд элементов, в частности, отсутствие связи с расследованием, демонстрирует намеренное отступление от канона. Развязка сюжета в каждом из рассмотренных нами романов Умита происходит как бы «случайным» образом, по не зависящим от героев обстоятельствам. Таким образом «элемент случайного» в повествовании становится главным элементом сюжета, который и позволяет довести повествование до развязки. Возникает вопрос, зачем автор заставляет читателя на протяжении всего повествования «следить за расследованием»?

Обратимся к темам, которым посвящены рассматриваемые романы. Роман «Туман и ночь» повествует об истории взаимодействия сотрудника спецслужб с миром интеллектуалов, придерживающихся левацких политических взглядов. Сам Умит долгое время состоял

в Коммунистической партии Турции, следовательно, сам придерживался левацких взглядов, да к тому же относился к тому поколению, на чью долю пришелся военный переворот 1980 года, после которого интеллектуалы и политические активисты попали под страшный каток, репрессий со стороны государства. Роман «Туман и ночь» – это попытка Ахмета Умита самостоятельно выступить в образе рядового сотрудника тайной полиции, пусть и не в критический для страны период (действие романа примерно совпадает с годом его публикации). Писатель заставляет своего героя вступать в неприятные, но весьма жизненные ситуации. Преподносит ему «подружку» из прогрессивной молодежи, со связями среди левых террористов. Заставляет его во время поисков девушки общаться с самими террористами, выслушивать их точку зрения на происходящее и происходившее, делиться собственным мнением, взглядом на леваков глазами тайных полицейских. Чаще всего это мнение выражает начальник главного героя. Большая часть книги посвящена именно этим размышлениям.

В «Патасане» Ахмет Умит затрагивает две самые острые общественно-политические проблемы Турции XX–XXI вв. Это геноцид армян и курдский вопрос. Умит вновь старается представить все существующие в обществе точки зрения – и мнение турецкого правительства, и мнение турецкой интеллигенции, и мысли курдского населения, и европейцев, и американцев.

Роман «Стамбульские воспоминания» – своеобразная ода городу, попытка осмыслить происходящие в нем перемены, проследить, как меняется лик города в истории. Один из персонажей романа поэт, который пишет стихи о родном городе. Герои постоянно стремятся рассуждать об истории и архитектуре Стамбула, демонстрируя, таким образом, определенную рефлексию как перед великим османским прошлым, так и перед западной культурой и цивилизацией – настроения, которые сопровождают турецкую интеллигенцию с первых лет существования Республики, и даже задолго до нее. Эти настроения нашли отражение во многих произведениях турецкой культуры и искусства, и вопрос: «С кем мы, с Востоком или с Западом?» не нашел окончательного ответа и в наши дни. Ярким примером являются не только произведения искусства, но и современные политические процессы: Турция с одной стороны стремится в Европу, в Евросоюз, а с другой стороны – педалирует идеи неосманизма, стремясь к региональному лидерству на Ближнем Востоке. Так что очевидно, что и в этом романе Умита затронут «больной» для турецкого общества вопрос.

Таким образом, Умит в своих романах касается острых, предельно важных для турецкого общества тем, но анализ турецких СМИ и блогосферы показывает, что, хотя Умит и предельно популярный, «кассовый» автор, ни турецкое государство, ни турецкое общество, ни одна из крупных социальных групп на эту проблематику никак не реагирует. Его романы не вызывают полемики, вызывают они только интерес, как занимательное чтение, чем и вызван их коммерческий успех. Любопытно, что это происходит в Турции, стране, где и в наши дни интеллектуалы подвергаются страшным преследованиям за несовпадение их взглядов со взглядами государства.

К сожалению, приходится констатировать, что суждения Ахмета Умита не вызывают ни полемики, ни реакции по единственной причине: он повторяет то, что неоднократно уже было сказано до него. Всё, что он пишет, как бы «затерлось», нерв общества не задет.

Всё же Умит коммерчески успешен: пользуясь «элементом случайного», он пытается завуалировано продать свои идеи, которые в силу их неоригинальности покупать в «чистом» виде никто не будет. Умит понимает, что читателю нужна определенная «приманка», в качестве которой он и вводит собственно детективный сюжет. Очевидно, что этот сюжет, в свою очередь, не так интересен Умиту, второстепенен для него, отсюда и вытекает уже упомянутая сюжетная особенность, «элемент случайного» – для вычисления убийцы расследование не требуется.

Читатель попадает на крючок детективной фабулы, да вдобавок получает достаточно приятные неострые рассуждения относительно волнующих все общество проблем, чем остается очень доволен, чувствуя, что всё же не совсем он продается массовой литературе, а задумывается о серьезном. Образуется удачный симбиоз – писатель удовлетворяет свои потребности как общественного мыслителя, сдабривая это детективным сюжетом, а читатель следит за расследованием, но остается довольным тем, что перемежается оно «серьезными» рассуждениями.

Список литературы:

1. Официальный сайт Марии Элиадес: сайт. – [Электронный источник] – Режим доступа – URL: <http://www.mariaeliades.com/> (Дата обращения: 8.04.2015).
2. Тимофеев Л.И. Словарь литературоведческих терминов / Ред.-сост. Л.И. Тимофеев и С.В. Тураев. – Москва: Просвещение, 1974. – 509 с.
3. Ümit A. Patasana, Mord am Euphrat. Zürich: Unionsverlag, 2013 – 432 s.
4. Ümit A. Sokağın Zulası. İstanbul: Everest Yayınları, 2011 – 96 s.

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ ВЗГЛЯДОВ ЭДИТ УОРТОН НА ПРОБЛЕМУ ЦЕННОСТИ ТРАДИЦИЙ

Тимошенко Ирина Николаевна

канд. филол. наук, зав. кафедрой английского языка для геологических
и географических специальностей,
доц. Санкт-Петербургского государственного университета,
РФ, г. Санкт-Петербург
E-mail: timoshenkoirina7@mail.ru

TOWARDS THE QUESTION ABOUT THE EVOLUTION OF EDITH WHARTON'S VIEWS ON THE PROBLEM OF TRADITIONS' VALUE

Irina Timoshenko

*candidate of Philological Sciences, Head of the Department of English
Language for Geological and Geographic Sciences,
Associate Professor of Saint Petersburg State University,
Russia, Saint Petersburg*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена выявлению и анализу взглядов Эдит Уортон на проблему ценности традиций и условностей. Анализ авторской позиции в романах «Дом радости», «Обычай страны» и «Век невинности» позволяет говорить о двойственном подходе писательницы к вышеназванной проблеме. Очевидно, что несмотря на критическое отношение к принятым в ее собственном кругу условностям, Эдит Уортон все же четко осознает необходимость их существования. Писательница решительно выступает за сохранение традиций и условностей, без которых жизнь любого общества, как автор убедительно показывает на примере высшего света Нью-Йорка, превращается в хаос.

ABSTRACT

The article is dedicated to the determination and analysis of Edith Wharton's views on the problem of traditions' value. The analysis of the author's viewpoint in the novels *The House of Mirth*, *The Custom of the Country* and *The Age of Innocence* allows to speak about ambivalent approach of the writer to the above mentioned problem. Despite critical

attitude to the conventions, adopted in the fashionable society, she clearly realized their necessity. Wharton advocates for preserving enduring institutions and values despite the pressures of social change because in her opinion they provide the only real possibility of stability and civilized living.

Ключевые слова: традиции и условности; нравы и мораль; «старый Нью-Йорк».

Keywords: traditions and conventions; manners and morality; “old New York”.

Для Эдит Уортон (1862–1937), признанного «летописца» быта и нравов фешенебельного нью-йоркского общества рубежа XIX–XX веков, проблема ценности традиций и условностей неизменно оставалась центральной на протяжении всей творческой жизни. Неудивительно, что к вопросу о роли и значимости проверенных временем ценностей прошлого писательница обращается и в романах «Дом радости» (The House of Mirth, 1905), «Обычай страны» (The Custom of the Country, 1913) и «Век невинности» (The Age of Innocence, 1920), которые, условно говоря, составляют нечто вроде трилогии, посвященной исследованию повседневной жизни довольно узкого и замкнутого круга состоятельных людей Нью-Йорка, являвшихся потомками негоциантов колониального времени и первых лет независимости. Этот замкнутый круг, к которому сама Эдит Уортон принадлежала по праву рождения, она именует «старым Нью-Йорком», видимо, противопоставляя его новому поколению богатых людей Америки, наживших состояние в годы после Гражданской войны.

Сразу отметим, что взгляд Уортон на вышеназванную проблему отличается весьма характерной двойственностью. Например, в романе «Дом радости» Уортон с саркастической насмешкой, скрывающей возмущение, а иногда гнев и негодование автора, изображает обычаи, предрассудки, вкусы, интересы, образ жизни и образ мыслей соплеменников – иными словами, нравы высшего света Нью-Йорка. Писательница подвергает жесткой критике мораль буржуазного общества, которое в ее изображении предстает как негативная разрушительная сила, враждебная всем истинным ценностям, духовной свободе, искусству. Однако уже в этом произведении Уортон отмечает, что, по сравнению с другими пластами денежного общества, мир «старого Нью-Йорка» с его далеко несовершенными, но прочно устоявшимися традициями и обычаями – это, прежде всего, четко организованная и строго упорядоченная социальная структура,

каждый представитель которой имеет определенные обязательства и неукоснительно следует общепринятым законам, и правилам.

В романе «Обычай страны» отношение автора к традициям и обычаям «старого Нью-Йорка» осязательно меняется. В представителях собственного класса Уортон открывает качества, достойные уважения и восхищения: ум, честность, благородство, преданность идеалам, высокий уровень культуры и образованности. Единственное, что возмущает писательницу и даже вызывает ее негодование, так это неспособность «старой» буржуазии сохранить традиции и условности, которые теперь автор рассматривает как важнейшие факторы, воздействующие на жизнь человека в обществе и способствующие сохранению и развитию духовности.

Столь резкие перемены во взглядах автора вполне объяснимы. Наблюдая за ростом анархических тенденций в нравственной сфере Америки начала XX века, Уортон, видимо, осознала, что традиции и обычаи «старого Нью-Йорка», какими бы плохими они ей ранее не казались, все же гораздо лучше тех, что пришли им на смену. Писательница была убеждена в том, что нравственные принципы представителей «новой» буржуазии, вернее их отсутствие, вели страну к хаосу и деградации. Протестуя против законов и правил, устанавливаемых пришедшим к власти классом предприимчивых дельцов и успешных предпринимателей, Уортон создала роман «Век невинности», в котором ироническая насмешка автора над смехотворными условностями «старого Нью-Йорка» парадоксально соединилась с ностальгическим сожалением о безмятежности, ясности и спокойствии минувших дней.

Чтобы понять природу этой парадоксальности, необходимо учитывать амбивалентность социальных воззрений писательницы. Выступая непримиримым антагонистом буржуазного сознания и жестко критикуя нравы и мораль фешенебельного общества, Эдит Уортон все же четко осознавала необходимость сохранения общественных традиций и условностей. По словам исследователя Джеймса Таттлтона, в большинстве произведений Уортон традиция и преемственность неизменно выступали как важнейшие факторы, воздействующие на жизнь человека в обществе. «Она (Уортон) неустанно напоминала о необходимости приверженности культурной традиции, об опасности отчуждения от нее, о катастрофе, которая происходит, когда социальные перевороты, например, революция или война, разрушают тщательно сплетенную паутину такой традиции. Она также говорила о необходимости сохранения или хотя

бы реконструкции, если это необходимо, драгоценных ценностей прошлого» [3, с. 124].

Некоторые исследователи творчества Эдит Уортон пытались объяснить приверженность писательницы традиции ее философской позицией. Так, Мэрилин Джонс Лайд предложила рассмотреть творчество американской романистки с учетом философских исследований тех ученых, которые, по признанию самой писательницы, оказали на нее большое влияние.

В автобиографии Эдит Уортон мы находим следующее высказывание: «Дарвин и Паскаль, Гамильтон и Копей были первыми среди тех, кто пробудил мое сознание ото сна» [4, с. 838].

Работа американского мыслителя Генри Копей «Элементы логики» повлияла, скорее, на выбор писательницей художественных приемов и методов. Труды же Ч. Дарвина, Б. Паскаля и У. Гамильтона способствовали формированию взглядов Эдит Уортон на проблему значимости традиций и условностей, поскольку все вышеперечисленные ученые имели двойственное отношение к разуму и рассматривали его в тесной взаимосвязи с моралью.

Например, английский философ Уильям Гамильтон, как и французский исследователь Блез Паскаль, утверждал, что возможности человеческого разума весьма ограничены, а, следовательно, нормы поведения или условности приобретают для общества весьма большое значение. Паскаль был также убежден в том, что условности, создаваемые людьми и регулирующие отношения между ними – есть основа морали. Уортон, по мнению М. Дж. Лайд, разделяла мнение обоих философов, рассматривая общественные законы в качестве «единственных проводников» для большей части человечества.

Решающую роль в формировании взглядов Уортон, несомненно, сыграла публикация работ Чарльза Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора» (1859) и «Происхождение человека и половой отбор» (1871). Утверждение английского естествоиспытателя о том, что развитие видов предполагает обязательное сохранение и использование опыта предшествующих поколений, как нельзя лучше соответствовало позиции Уортон, полагавшей, что при отказе от сохранения ценностей прошлого невозможно усовершенствовать мораль и условности. Писательница была убеждена в том, что проверенные временем традиции заключали в себе большой запас мудрости, который мог бы стать прочной основой для строительства новой социальной структуры.

Анализ авторской позиции в романах, составляющих трилогию о «старом Нью-Йорке», ясно показывает, что, несмотря на критическое

отношение писательницы к принятым в ее собственном кругу условностям, она все же четко осознавала необходимость их существования. Ведь условности, представляя собой общественную мораль, те нормы и законы, которые накладывали на человека определенные ограничения, заключали в себе богатый опыт предшественников, запечатлевая уже достигнутый нравственный прогресс.

Эдит Уортон не могла не понимать, что социальные условности представляют собой особую ценность, поскольку, действуя достаточно долго и эффективно, они доказали, что отвечают основным человеческим нуждам, а их принятие означает, что эти нужды не изменились. Общество не в силах отказаться от привычных норм и законов, потому что бесполезные, на первый взгляд, условности означают порядок и служат надежной опорой. Жизнь без условностей превратилась бы в хаос.

Устами одного из своих персонажей Уортон высказала мысль о том, что «в условности можно верить или не верить, но до тех пор, пока они правят миром, достигнуть хотя бы временного соглашения с жизнью мы можем только, воспользовавшись их защитой» [6, с. 90]. По словам исследователя Блейка Невиуса, «это высказывание является совершенной формулой, которая выражает прагматическое кредо, управлявшее как жизнью самой Уортон, так и жизнью ее персонажей в мире, где условности считаются весьма целесообразными, а компромисс – единственной тропой к свободе» [2, с. 18].

И в своих произведениях Уортон вновь и вновь исследует традиции и условности и, выявляя все их слабые стороны, все же доказывает, что они являются необходимым условием существования и развития любого общества. Ведь согласно Уортон, условности, какими бы плохими они не были, тем не менее, способствовали сохранению морали в обществе и оберегали нацию от утраты духовности.

Список литературы:

1. Lyde M.J. Edith Wharton. Convention and morality in the Work of a Novelist. Norman, 1959. – 196 p.
2. Nevius B. Edith Wharton: A Study of her Fiction. Berkley; Los Angeles, 1961. – 271 p.
3. Tuttleton J.W. The Novel of Manners in America. Chappel Hill, 1972. – 304 p.
4. Wharton E.N. A Backward Glance. [An autobiography]. N. Y., 1964. – 385 p.
5. Wharton E.N. Novels. Ed. by R.W.B. Lewis. N. Y., 1985. – 1328 p.
6. Wharton E.N. Roman Fever and Other Stories. N. Y., 1970. – 238 p.

СЕКЦИЯ

«РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

«СУМАСШЕДШЕМУ ВСЕ МОЖНО»: О СПЕЦИФИКЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕМЫ БЕЗУМИЯ В РОМАНЕ И. ИЛЬФА И Е. ПЕТРОВА «ЗОЛОТОЙ ТЕЛЕНОК»

Назаров Иван Александрович

канд. филол. наук, ст. науч. сотр. Государственное бюджетное
учреждение культуры «Музей М.А. Булгакова»,
РФ, г. Москва
E-mail: nazarov.postbox@gmail.com

“MADMAN MIGHT TO DO ANYTHING”: MOTIF OF MADNESS IN ILF’S AND E. PETROV’S NOVEL “THE LITTLE GOLDEN CALF”

Ivan Nazarov

ph. D. in Philology State Budgetary Institution of Culture
“Mikhail Bulgakov Museum”,
Russia, Moscow

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются особенности художественного воплощения феномена безумия в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок». Уделяется внимание проблемам симуляции и диагностирования безумия, образу сумасшедшего дома.

ABSTRACT

The article discusses various interpretations of the motif of a madness in Russian literature by the example of Ilf’s and E. Petrov’s novel “The little golden calf”. Concept of asylum in the I. Ilf’s and E. Petrov’s novel is interpreted in socio-philosophical aspect of the topic of madness as a place of insight, model of society, illustration to the question of the borders between the norm and madness.

Ключевые слова: феномен безумия; симуляция безумия; И. Ильф; Е. Петров.

Keywords: motif of madness; concept of asylum; I. Ilf; E. Petrov.

Тема безумия приобретает особое значение в отечественной литературе 1920–1930-х годов: в творчестве различных писателей обнаруживается интерес к осмыслению проблемы сумасшествия, образа безумца и пространства лечебницы. Наряду с произведениями И.Э. Бабеля, М.А. Булгакова, К.К. Вагинова, С.С. Заяицкого и других авторов, указанная тема широко представлена в творческом наследии И. Ильфа и Е. Петрова: восприятие феномена безумия прослеживается в записных книжках 1925–1937-х годов и фельетонах («Отдайте ему курсив», «Новый дворец», «На волосок от смерти»), романе «12 стульев», новеллах «Вторая молодость» и «Золотой фарш», повести «Светлая личность». Данная статья посвящена особенностям указанной темы в романе Ильфа и Петрова «Золотой теленок» (1931).

В романе «Золотой теленок» феномен безумия представлен как на сюжетообразующем уровне, так и в рамках социально-философской проблематики. Роман изобилует различными отсылками к теме сумасшествия: в разное время Остап Бендер называет себя *«депутатом сумасшедших аграриев»* и *«невропатологом, психиатром»* (чья цель – *«изучение души своих пациентов»*) [1, с. 72]), Сахарков упоминает о своем сумасшедшем дяде, рассудка лишается Эрнестина Пуанкаре; возможной аллюзией на указанную тему является название учреждения Геркулес (сюжет о безумии древнегреческого героя был отражен в трагедиях Еврипида и Сенеки).

По сюжету романа, бухгалтер Берлага симулирует сумасшествие для того, чтобы переждать кадровую чистку в лечебнице. Мотив симуляции безумия достаточно распространен в мировой литературе – в творчестве современников Ильфа и Петрова данный аспект представлен в произведениях А.Т. Аверченко («Шутка мецената»), А.Г. Малышкина («Севастополь»), А.М. Соболя («Колесуха») и других авторов. Цель мнимого безумца заключается в достоверном воссоздании «тех особенностей поведения, которые, в его субъективном видении, находятся внутри аномального спектра – герой вживается в образ душевнобольного, сформированный в культурной традиции анекдотами, популярными поверьями, медицинскими фактами, наивными понятиями о психиатрии» [2, с. 290]. Берлаге помогает его шурин, достающий книгу о правах и привычках душевнобольных и рассуждающий «так веско, словно бы по меньшей мере состоял младшим ординатором психбольницы» – главный тезис

соображений шурина («сумасшедшему все можно [1, с. 183]) становится символом массового представления о поведении безумцев. Ю.М. Лотман справедливо отмечает, что поведение героя-безумца в культурологическом аспекте отличает то, что он «получает дополнительную свободу в нарушении запретов, он может совершать поступки, запрещенные для «нормального» человека» [3, с. 41]. Массовое, дилетантское представление о душевнобольных становится определяющим для симуляции Берлаги: отталкивающий внешний вид (выливает на себя чернила, рвет на себе одежду), нарушение норм общественного поведения (крики, активная жестикуляция, подражание животным), проявление агрессии (нападает на доктора).

В клинике Берлага некоторое время успешно играет сумасшествие, но впоследствии поведение героя вызывает низкую оценку со стороны мнимых больных: в отличие от бухгалтера остальные симулянты («Цезарь», «человек-собака» и другие), разрабатывая свою модель поведения безумцев, опираются на книги по психиатрии. Однако главврач Титанушкин выявляет симуляцию, что придает истории Берлаги характер кольцевой композиции: укрывшись от чистки в мире «нормы», герой подвергается чистке в мире «не-нормы».

В романе ярко представлены две взаимосвязанные проблемы: симуляция безумия и аттестация (диагностирование) душевной болезни. В художественной литературе аттестация сумасшествия происходит в соответствии с целым рядом атрибутов: внешний вид героев, их речь и умозаключения, смех, взгляд, поведенческие особенности и другие. В данном контексте чрезвычайно значимым становится образ стороннего наблюдателя, представляющего «норму» и от лица, которого происходит аттестация сумасшествия (и объявление безумцем). Симулянты в романе «Золотой теленок» пребывают в двойственном положении: с одной стороны – они разыгрывают сумасшествие перед врачами, с другой – сами пытаются определить, безумны ли те, кто их окружает. Более детально данный мотив представлен в рассказе Э. По “The System of Doctor Tarr and Professor Fether” (1845), где врачи и пациенты в психиатрической клинике меняются местами. Настоящие душевнобольные в романе Ильфа и Петрова изображены как несчастные люди, полностью погруженные в мыслительный процесс: «Им некогда разговаривать <...> Они думают все время. У них множество мыслей, надо что-то вспомнить, вспомнить самое главное, от чего зависит счастье. А мысли разваливаются, и самое главное <...> исчезают» [1, с. 184].

В романе «Золотой теленок» прослеживается развитие темы безумия в социально-философском аспекте и соответствующая интерпретация пространства сумасшедшего дома. Бывший присяжный поверенный Старохамский («Цезарь») оказался в лечебнице не из-за боязни чистки, а по идейным соображениям: герой убежден, что сумасшедший дом в СССР – *«это единственное место, где может жить нормальный человек. Все остальное – это сверх-бедлам <...> Здесь у меня, наконец, есть личная свобода. Свобода совести! Свобода слова!»* [1, с. 190]. В мировой литературе обнаруживается значительное количество сюжетов о безумии, среди которых мы выделим две зеркальные ситуации: побег безумца из сумасшедшего дома и побег в сумасшедший дом и рассмотрим вторую ситуацию более подробно.

Сюжет о побеге в сумасшедший дом связан с традицией наделения безумия положительной коннотацией – пространство лечебницы становится своеобразным приютом для отвергнутых в социуме героев. Примером данного сюжета является ситуация Мастера из романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» – затравленный обществом герой добровольно уходит в клинику Стравинского. В философском контексте сумасшедший дом соотносится с традиционным для отечественной культуры феноменом Дома и включает в себя духовное, социальное, историческое пространство жизни. «Цезарь», утративший после революции свой Дом (страну, Отечество), не принявший нового порядка и «нормы» – из двух категорий безумцев (большевики и обитатели клиники) делает выбор в пользу вторых и сознательно уходит в психиатрическую лечебницу, обретает новый Дом.

История симулянта Берлага стала основой для водевиля Ильфа и Петрова «Вице-король», содержание которого дополняет рассматриваемую нами тему. Некоторые детали облика клиники позволяют сделать заключение о ситуации безумия (точнее – ее симуляции) в городе. Так, доктор упоминает о внезапном нашествии буйных – по внутренней логике романа и водевиля, в городе постоянно идут чистки, что отражается на количестве пациентов психиатрической клиники. В водевиле Старохамский наделен функцией обличения, характерной для героев-безумцев: он открыто критикует работников клиники, а также систему советского образования и здравоохранения. Символичной кажется и выбранная им роль обреченного на предательство и гибель «Цезаря»: Берлага раскрывает секрет симулянтов перед психиатром, а последний диагностирует у Старохамского настоящую душевную болезнь.

Таким образом, художественное воплощение феномена безумия в романе Ильфа и Петрова «Золотой теленок» представлено в различных аспектах: соавторы уделяют внимание вопросам симуляции психической болезни и ее аттестации, массовому представлению о поведении душевнобольных, осмысляют пространство сумасшедшего дома как убежища.

Список литературы:

1. Ильф И.А., Петров Е.П. Собрание сочинений в 5 т. Т. 2. – М.: ГИХЛ, 1961. – 556 с.
2. Куперман В., Зислин И. Симуляция психоза. Семиотика поведения. / Русская литература и медицина: Тело, предписания, социальная практика: Сб. статей / Под ред. К. Богданова. – М.: Новое издательство, 2006. – С. 290–302.
3. Лотман Ю.М. Дурак и сумасшедший / Семиосфера. – СПб: «Искусство–СПБ», 2010. – С. 41–62.

СЕКЦИЯ

«РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

РОЛЬ ФАКТОРА «СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ» ПРИ ОПИСАНИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Гайбарян Ольга Ервандовна

канд. филол. наук, доц. кафедры теории и истории мировой
литературы Южного федерального университета,
РФ, г. Ростов-на-Дону

Мясищев Георгий Игоревич

специалист по учебно-методической работе Ростовского
государственного строительного университета,
РФ, г. Ростов-на-Дону
E-mail: georgy-2583@yandex.ru

THE ROLE OF THE FACTOR OF “SOCIAL ROLE” IN THE DESCRIPTION OF THE LANGUAGE PERSON

Olga Gaybarian

ph.D., associate professor Department of theory
and history of world literature, Southern Federal University,
Russia, Rostov-on-Don

George Myasishchev

technical expert for teaching the work
of the Rostov state construction University,
Russia, Rostov-on-Don

АННОТАЦИЯ

Рассматривается значение социальной роли субъекта при изучении языковой личности. Предлагается типология социальных ролей языковых личностей, реализуемых в публичном дискурсе.

ABSTRACT

It considers the importance of the social role of the subject in the study of the language person. Gives insight into the essence of the relationship between language and the social role of the speaker. Stand out the conceptual features of major social roles.

Ключевые слова: языковая личность; лингвистическая коммуникация; психолингвистика.

Keywords: linguistic personality; linguistic communication; psycholinguistics.

Одна из актуальных проблем современной филологии – проблема комплексного изучения языковой личности. Большинство ученых (например, Н.Н. Захарова, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, А.П. Романенко и др.) рассматривают языковую личность как систему различных явлений, взаимообуславливающих друг друга [4; 5; 6; 10]. При этом аспект социализации личности признается учеными важным, но малоизученным с точки зрения интегративного подхода. Традиционно социальная роль личности рассматривается вне ее связи с реализацией речемыслительной деятельности, т. е. сугубо с позиций социологии и психологии. Психолингвистика затрагивает проблему социализации личности в процессе коммуникации, но изучает эту проблему достаточно узко, без учета динамики развития и той исторической перспективы, которая, возможно, кроется за этим процессом. Представляется, что изучение реализации социальных ролей языковыми личностями в динамике развития языка расширит представление о самой языковой личности, а их типология позволит в дальнейшем классифицировать элементы языка, используемые в конкретике реализации социальной роли.

В процессе коммуникации языковая личность использует весь набор существующих в языке средств, ограничивая его личными и культурно-историческими языковыми предпочтениями. Фиксация речевой деятельности индивида происходит в письменных источниках, деловом документообороте, а также на материальных носителях, фиксирующих аудио и видеоданные, – на магнитофонных и видеозаписях. Изучение этих материалов позволяет получить разнообразное представление о принципах реализации языковой личности с различных аспектов в исторической парадигме. Нужно отметить, что развившиеся в последнее столетие аудиовизуальные средства фиксации языка позволяют изучать данные лингвокоммуникации и речевой практики с учетом невербального контекста,

произносительных и иных особенностей коммуникаторов, неотображаемых на письме, но также характеризующих языковую личность, как индивида, так и определенной группы.

В публичном дискурсе языковые личности структурируются в большей степени по социальным признакам, в т. ч. профессиональным, нежели по гендерным, возрастным и др. Хотя возрастные и другие характеристики языковой личности играют определенную роль в коммуникации, они, в основном, касаются целеполагания речи и выбора средств реализации лингвокоммуникативного акта. Например, ведущий молодежной радиостанции употребляет больше сленговых и просторечных форм не потому, что его активный словарь состоит из этих элементов, а потому что того требует его образ, его социальная роль. В свою очередь, адресаты этого ведущего, также, не всегда обладают именно теми речевыми характеристиками, которые им приписывает их возрастная или гендерная категория.

Виртуализация коммуникативной среды, в которой все участники играют определенные социальные роли, происходит на протяжении длительного времени и фиксируется в самых ранних памятниках письменности.

Классифицировать эти социальные роли возможно с привлечением данных таких областей знания, как социология, психология, философия (антропология и гносеология) [3; 7]. Крупный советский и российский ученый Игорь Семенович Кон выделяет 3 важнейших составляющих социальной роли: в обыденном сознании – игра, при которой личность сознает искусственность собственного поведения; в социальной психологии как «описание повторяющихся, стандартизированных форм поведения», и, наконец, в социологии, в которой понятие социальной роли обозначает безличную социальную функцию и норму, выполнение которой обязательно для тех, кто занимает данную позицию. Именно последнее определение наиболее полностью отвечает задачам, которые мы хотим разрешить в исследовании. И.С Кон отмечает, что реакция на внешний сигнал определяется логикой, принятой на себя роли, что предполагает вхождение личности в различные социальные роли, идентификацию с различными ролями. Продолжительное исполнение социальных ролей приводит к формированию соответствующих социальных установок и поведенческих стереотипов, реализующихся в том числе и в речевой практике [7]. В публичном дискурсе возможна реализация ограниченного круга социальных ролей: институциональных и части конвенциональных, тогда как в межличностном дискурсе или дискурсе

изолированных групп, реализуется речевая практика всех типов социальных ролей.

Виртуализация коммуникативной среды, в которой все участники играют определенные социальные роли, происходит на протяжении длительного времени и фиксируется в самых ранних памятниках письменности. Анализ памятников письменности, показывает, что уже в материалах XI–XIII веков можно наблюдать четкую социализацию форм публичного дискурса, особенно это хорошо заметно при изучении делового документооборота. Необходимо отметить, что профессиональная сфера юридического и делового документооборота того времени разделялась на внутренний документооборот, циркулировавший в профессиональной среде, и сферу публичного документооборота, требовавшего представления широкой социальной группе или всему средневековому обществу в целом [2; 8]. К такому документообороту относятся, например, княжеские грамоты, указы и т. п. документы, требовавшие постоянного публичного представления. Изучение этих документов показывает, что в них реализуется представление об образе государственного деятеля – таком, какой он представлялся в понимании современника. Наличие обязательных речевых формул, правил титулования, построения текста и, судя по отзывам современников, произношения, отличных от повседневного делопроизводства, говорит об осознанном восприятии речевого образа определенной социальной роли [2]. Лицо, выступающее с публичной речью, избирало не только модель поведения, соответствующую его социальному статусу, но и определенный набор языковых средств, ассоциируемых с этим статусом.

В XV–XVII веках, когда происходят значительные изменения как в обществе, так и в языке, возможно наблюдать еще более наглядное выделение социальной роли, в том числе и в речевой практике языковых личностей. Многочисленные переводные, а за ними и оригинальные труды по красноречию того периода, прямо рекомендуют осознанное формирование целостного образа оратора, обладающего чертами, необходимыми для исполнения своей социальной роли в рамках публичного выступления [1].

Традиция представления социальных ролей в публичном дискурсе сохраняется до настоящего времени.

Исходя из того, что социальные роли, исполняемые в публичном дискурсе языковыми личностями, не получают глобальных изменений в исторической парадигме, возможно рассмотреть факторы социализации языковой личности в процессе ее реализации в лингвистическом пространстве. А.П. Романенко полагает, что возможно

выделить всего две глобальные категории образов языковой личности, проявляющиеся в публичном дискурсе: автор и ритор [10; 22]. Образ автора связывается им в основном с художественной литературой, тогда как образ риторика понимается достаточно широко – как образ публичного оратора, публичного деятеля. С этой точки зрения возможно рассмотреть систему частных образов языковых личностей.

С точки зрения продуцируемых носителями различных социальных ролей текстов и моделей речевого поведения, реализацию социальных ролей в публичном дискурсе можно классифицировать следующим образом:

1. Политический оратор;
2. Религиозный проповедник;
3. Дипломат;
4. Юрист;
5. Делопроизводитель (лицо, составляющее публичные тексты, входящие в официальный документооборот организации, части или всего государства в целом);
6. Журналист и публицист (в широком смысле слова, любое лицо, освещающее события, проблемы и дающее им публичную оценку);
7. Специалист по рекламе;
8. Педагог (учитель, преподаватель, наставник в широком смысле слова, работающий с широкой аудиторией).

Все эти социальные роли, так или иначе, обязывают их носителей выступать перед аудиторией и персонифицировать образ языковой личности, определяя ее социальный тип. Оратор обращается к конкретному человеку и, чтобы быть воспринятым, обязан говорить на том языке, а, значит, и представлять такой образ языковой личности, который от него ожидает адресат. С другой стороны, именно оратор реализует существующую модель речевого поведения, воплощает в себе существующий тип языковой личности и способствует его модификации в границах, которые допускает восприятие социума в целом или определенной социальной группы.

Исследования, проведенные в Челябинском государственном университете Галиной Васильевной Кубиц и др., показывают, что профессионализация языковой личности – неизбежный процесс, затрагивающий как узких специалистов отрасли, так и вовлекаемых в отраслевую коммуникацию носителей языка [11]. При этом социальная роль коммуникатора требует от него использовать речевые средства, характерные для конкретной области публичного дискурса. В процессе выступления в суде или в ином случае, когда происходит

процесс рассмотрения правовых вопросов, оратор неизбежно выступает с позиции «юриста» даже если и не обладает документально подтвержденным статусом. Его речевая репрезентация, в той или иной степени, стремится к реализации риторического образа юриста, с использованием юридической терминологии, профессиональной жаргонной лексики, сложного синтаксиса, традиционных речевых формул.

Вновь возвращаясь к исторической парадигме, мы можем наблюдать изменения речевых характеристик, к примеру, социальной роли «Юрист» на протяжении всего исторического периода. Так, в XI–XIII веках эта социальная роль обязывала своего обладателя использовать традиционные формулы с преобладанием церковнославянских элементов и обязательной религиозной атрибуцией; в эпоху Московского государства этикетные профессиональные формулы тяготеют к использованию великорусского диалекта, при обязательной доминанте «величальных» эпитетов, адресованных тому или иному значительному лицу или событию, позднее использованием древнегреческих и латинских элементов, появлению собственно юридической терминологии и формул, сохраняющихся до нашего времени. В XX веке происходит оформление различных типов ораторов-юристов: «демократический», «пролетарский», «либеральный», что находит отражение в речевом оформлении выступлений. Но во всех случаях образ социальной роли четко детерминируется и не совпадает с другими социальными образами. Важную информацию о восприятии и реализации образа социальной роли дают видео- и аудиодокументы. Например, значительно меняется тембр, тон и скорость прочтения докладчиком статусных формул юридических документов, в сравнении с тембром, тоном и скоростью прочтения или изложения предмета, по существу. Точно также меняется мимическая реакция коммуникаторов, воспринимающих статусную или иную профессиональную речь, в сравнении с реакцией на повседневное речевое взаимодействие. В отношении речевой реализации других социальных ролей наблюдается аналогичная ситуация. Языковая личность публичного деятеля во многом определяется его социальной ролью, требует определенных лингвистических средств для ее полноценной реализации.

Таким образом, социальная роль имеет важное концептуальное значение и должна учитываться при описании основных черт лингвистической личности в публичном дискурсе, а также при выборе лингвистических средств, используемых говорящим в процессе коммуникации.

Список литературы:

1. Вомперский В.П. Риторика в России XXVIII–XIX вв. – М., 1988.
2. Горшков А.И. – История русского литературного языка: Краткий курс лекций. – М.: Высшая школа, 1965 – 194 с.
3. Елухина Н.В. Роль дискурса в межкультурной коммуникации и методика формирования дискурсивной компетенции// Иностранные языки в школе. – 2002. – № 3. – С. 9–13.
4. Захарова Н.Н., Константинова Л.А. // Риторика и культура речи в современном информационном обществе: материалы докл. участников XI Междунар. науч.-метод. конф. (Ярославль, 29–31 января 2007 г.). Ярославль, 2007. Т. 1. С. 112–118.
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
6. Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи её изучения – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
7. Кон И.С. В поисках себя. Личность и её самосознание. – М.: Политиздат, 1984. – 336 с.
8. Колесов В.В. Древнерусский литературный язык – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989 – 296 с.
9. Панова М.Н. Речевая этика служебного общения // Нравственные основы государственной службы России: Учебное пособие / Под общ. ред. В.М. Соколова. – М.: Изд-во РАГС, 2003. – С. 188–202.
10. Романенко А.П. Советская словесная культура: образ ратора.
11. Язык процессуальных документов // Актуальные проблемы реформирования экономики и законодательства. России и стран СНГ: Материалы междунар. науч.-практ. конф. – Челябинск, 2002. – С. 260–262.

СЕКЦИЯ

«СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ»

ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ЯЗЫКОВОЙ ЭКСПРЕССИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ПОГОВОРК)

Тимофеева Альбина Михайловна

доц. кафедры ЕНиГД филиала ТюмГНГУ в г. Тобольске,
РФ, г. Тобольск

E-mail: am_timofeeva@mail.ru

Махмутова Валерия Рушановна

студент гр. ЭСб-14 филиала ТюмГНГУ в г. Тобольске,
РФ, г. Тобольск

E-mail: lera.maxmutova95@mail.ru

MEANS OF LINGUISTIC EXPRESSIVENESS (ON THE MATERIAL OF RUSSIAN AND ENGLISH PROVERBS AND SAYINGS)

Albina Timofeeva

branch of Tyumen State Oil-Gas University in Tobolsk,
Russia, Tobolsk

Valeriya Makhmutova

branch of Tyumen State Oil-Gas University in Tobolsk,
Russia, Tobolsk

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена исследованию пословиц и поговорок с позиции использования в них таких стилистических средств, как

повторение и антонимия. Рассматриваемый феномен больше изучен с семантической точки зрения, в данной работе авторы концентрируют свое внимание на стилистических возможностях средств синтаксиса. В статье речь идет о том, что синтаксические единицы способны выступать в качестве средств экспрессивно-стилистических. Целью статьи является сопоставительный анализ русских и английских пословиц и поговорок. Авторы описывают и выделяют характерные особенности употребления повторения и антонимии в текстах пословиц и поговорок двух языков. На основе проведенного анализа сделан вывод о том, что роль рассматриваемых языковых средств очень значима для обоих языков, однако в русском языке более продуктивны такие явления, как использование нескольких пар антонимов, а также сочетание рассматриваемых выразительных средств в одном тексте.

ABSTRACT

This article is devoted to the study of proverbs and sayings from the position of use in them such stylistic means as repetition and antonyms. This phenomenon is more studied from the semantic point of view, in this paper, the authors pay their attention to stylistic possibilities of syntax means. The article proves that syntactic means can act as expressive and stylistic ones. The aim of the paper is a comparative analysis of Russian and English proverbs and sayings. The authors describe and distinguish characteristic use of repetition and antonyms in texts of proverbs and sayings of the two languages. They come to the conclusion that the role of the considered linguistic means is very important for both languages, however, such phenomena as the use of multiple pairs of antonyms and the combination of the considered means of expression in a single text are more productive in the Russian language.

Ключевые слова: выразительные средства; пословицы и поговорки; повторение; антонимия.

Keywords: means of expressiveness; proverbs and sayings; repetition; antonyms.

В современной лингвистике, ориентированной на изучение взаимосвязи языка и культуры, особое место занимают исследования, направленные на изучение пословиц и поговорок, представляющих собой ценностные суждения, основополагающие понятия народа о добре и зле, о том, что есть хорошо, и о том, что есть плохо. Концентрированное выражение смысла требует собой организации текста. Несмотря на все различия, для большинства пословиц

и поговорок характерна ясная, точная, сжатая манера подачи основной идеи. В течение веков народ оттачивал мастерство создания пословиц, для усиления эмоциональной окраски часто прибегая к определенным стилистическим средствам.

Ученые предлагают различные термины для определения языковых явлений, применяющихся для усиления высказываний: стилистический прием, стилистическое средство, фигура речи, конструктивный прием. В своей работе мы будем использовать термин «языковое средство», опираясь на мнение Т.В. Жеребило [1, с. 256], которая утверждает, что специфическим образом организованные языковые средства необходимы в тексте для его особой выразительности, в этом случае языковые средства «участвуют в формировании стилиевой структуры текста».

Повторение – одно из наиболее часто используемых языковых средств для создания экспрессивности в пословицах и поговорках. Исследуемый материал показал, что повторяться могут как знаменательные, так и служебные части речи. Приведем пример: *handsome is as handsome does* – по-настоящему красив тот, кто красиво поступает (сравним: *о человеке судят не по словам, а по делам*). В данном случае повторяется прилагательное. В следующем примере происходит повторение наречия: *soon absent, soon forgotten* – кто долго отсутствует, того быстро забывают. (сравним: *с глаз долой -из сердца вон*). Еще один пример – это повторение порядкового числительного: *first come, first served* – кто первым придет, того первым и обслужат (в русском языке есть поговорка: *Первому гостю первое место и красная ложка*).

Обратимся к примерам тех русских пословиц, в которых происходит повтор той или иной лексемы: *Клин клином вышибают; рыбак рыбака видит издалека; пушинка к пушинке – и выйдет перинка*. В данных случаях повторение существительных в разных падежных формах привлекает внимание к какому – либо лицу, совершающему действие, или объекту, каким совершается действие. Есть ряд примеров пословиц, начинающихся или с глаголов в форме повелительного наклонения – тогда это своеобразный наказ, наставление: *живи и дай жить другим*; или сочетание глагола в настоящем или прошедшем времени и его формы в повелительном наклонении – тогда это и упрек, и совет на будущее: *умел дитя родить – умеи и научить; любишь говорить – люби и слушать*.

Особое место в данной группе отводится пословицам, в которых используется такое выразительное средство, как кольцевой повтор или эллипс; это тот случай, когда повторяемая лексема находится

в начальной и конечной позиции, например, diamond cut diamond – алмаз алмазом режут (в русском языке примерное соответствие – *нашла коса на камень*). Еще один пример использования кольцевого повтора: money begets money – деньги производят деньги. В русском языке есть идентичная поговорка: *деньги к деньгам*. Можно привести еще примеры русских пословиц: *береженого Бог бережет; любящих и Бог любит*. Такой кольцевой повтор способствует логическому выделению смыслообразующего слова в тексте: *cut, money, деньги, бережет, любит*.

Интересны случаи повторения однокоренных лексем: *when at Rome, do as the Romans do* – когда ты в Риме, поступай, как римляне (в русском языке: *в чужой монастырь со своим уставом не ходят*). В данном случае усиление выразительности происходит за счет пары существительных: *The Romans – Rome*, в другом примере – это глагол и существительное: *nothing succeeds like success* – ничего не имеет такого успеха, как успех (в русском языке: *успех окрыляет*). В русском языке тоже встречается повторение однокоренных слов в текстах пословиц и поговорок, например: *чужое горе полусилою горевать*. В данном примере повтор осуществляется существительным и однокоренным глаголом, что делает мысль более ёмкой, поскольку явление не только называется, оно действует. Интересна пословица, в которой осуществлен двойной повтор однокоренных лексем (это прилагательное, существительное, наречие, глагол): *новая метла по-новому метет*. По существу, вся пословица состоит из повторений, что делает ее очень ритмичной, повторения одних и тех же созвучий делает текст очень выразительным и фонетически.

Приведем примеры пословиц и поговорок английского языка, в которых повторяются несколько лексем: *so many men, so many minds* – сколько людей, столько умов (в русском: *сколько людей, столько и мнений*). Повторение двух и даже трех служебных частей речи видим в следующих пословицах: *out of sight, out of mind* – прочь из виду, прочь из памяти (в русском: *с глаз долой – из сердца вон*); *in for a penny, in for a pound* – отдал пени, придется отдать и фунт (сравним: *взялся за гуж, не говори, что не дюж*). Повторение существительных встречаем в русской пословице: *Колос к колосу – получится сноп; зернышко к зернышку – насыплешь мешок*. В данном примере есть не только повторение лексем, но и повторение синтаксического рисунка двух частей пословицы, что, безусловно, делает ее очень яркой. А следующая поговорка основана на тройном повторе как главных, так и служебных частей речи: *всему свое место и всё на своем месте*. Подбор повторяющихся лексем делает текст

похожим на загадку, заставляет подумать. Примеры с множественным повтором особенно ярко демонстрируют, как повтор из синтаксического средства становится выразительным средством языковой экспрессии; повторение лексем создает в пословице определенный ритм, а неоднократное повторение, повышенная концентрация ряда созвучий приводит к усилению интонаций и оттенков смысла.

Еще один способ усиления экспрессивности текста пословиц и поговорок – это противопоставление, основанное на использовании антонимов. Приведем примеры: *money is a good servant but a bad master* – деньги – хороший слуга, но плохой хозяин (в русском: *деньги должны служить человеку, а не человек деньгам*). Выразительность данного примера основана на противопоставлении двух пар лексем – прилагательных *good/bad* и существительных *servant/master*. Метафоричность образа денег, представленных в качестве слуги или хозяина, создает прекрасный художественный образ и усиливает эмоциональную окраску данного текста. Русский язык очень богат на пословицы и поговорки, в которых использованы антонимы: *Как аукнется, так и откликнется; сытый голодному не товарищ; нет дыма без огня*. Как видно из приведенных примеров, противопоставлению могут подвергаться любые части речи, в данных случаях это глаголы, существительные, прилагательные.

Интересны случаи с привлечением сравнений. В следующем примере в английской пословице в роли антонимов выступают прилагательные в сравнительной степени: *The more haste the less speed* – чем больше спешки, тем меньше скорость (имеется однотипная пословица и в русском языке: *тише едешь, дальше будешь*). Одинаковое синтаксическое расположение прилагательных, антонимичные сравнения – это источник экспрессивности и образности данных текстов и в английском, и в русском варианте. Вообще сравнение как особый языковой прием часто используется в пословицах для выделения мысли о том, что есть лучше и правильнее. Например, в английской пословице: *four eyes see more than two* – четыре глаза видят лучше, чем два (русский вариант: *одна голова хорошо, а две еще лучше*). Сравнение антонимичных числительных *four* и *two* – это образное выражение понятия о дружбе, товариществе, взаимопомощи. Приведем примеры русских поговорок, в которых народная мудрость изложена с помощью сравнений антонимичных явлений: *малые знания хуже незнаний; старый друг лучше новых двух*. В этих текстах использована сравнительная степень наречий *хорошо* и *плохо*, они назидательно говорят о том, как человеку следует жить. Привлечение сравнительных оборотов и сравнение

модели поведения человека с поведением лисицы или волка в следующей поговорке предлагает ему взглянуть на себя со стороны и сделать определенные выводы: в глаза – как лисица, за глаза – как волк.

Рассмотрим несколько примеров, в которых лексемы приобретают антонимичные значения только в составе данной пословицы или поговорки. Например, английская пословица fools rush where angels fear to tread – глупцы спешат там, где ангелы боятся шагу ступить (в русском: *дуракам закон не писан*). В данном тексте глупцы противопоставляются ангелам, а стремительное движение – спокойной поступи, эта пословица отличается большой образностью и выразительностью благодаря двойному противопоставлению (существительные и глаголы). Приведём еще пример: least said, soonest mended – чем меньше говоришь, тем быстрее починишь (сравните: *делу время, потехе – час*). Наречия *little* (мало) и *soon* (вскоре) используются в превосходной степени и только в данном тексте выступают как антонимы. Тождественное начало двух смысловых отрезков, привлечение сравнения, антонимизация – всё это направлено на то, чтобы эмоционально и образно передать основную мысль данного суждения в максимально сжатом виде. В русском языке тоже имеются пословицы и поговорки, в которых лексемы приобретают противоположное значение только в данном контексте: труд человека кормит, а день портит; пока толстый похудеет, худой околеет. В обоих примерах по две пары антонимов, одна из которых вне данной ситуации антонимами не будет: кормит – портит; похудеет – околеет. Можно сказать, что прием дополнительной антонимизации характерен для обоих языков.

Существует еще одно явление, которое больше характерно для русского языка, это пословицы и поговорки с двойными и даже тройными парами антонимов: не делай добра – не получишь зла; в чужом глазу соринку видеть – в своем бревна не замечать; мягко стелет, да жестко спать; ты ему вдоль, а он поперек; от плохой жены состаришься, от хорошей помолодеешь. Как видно из примеров, текст может полностью состоять из противопоставлений, это помогает в краткой форме выразить мнение народа о важных моральных принципах, донести мысль о том, что такое «хорошо» и что такое «плохо».

В исследуемом материале встретились примеры, в которых происходит сочетание рассматриваемых в данной работе средств создания экспрессивности. Например, desperate diseases have desperate remedies – ужасные болезни требуют ужасного лечения (в русском

подобное: *клин клином вышибают*). Соединение повторяющегося прилагательного *desperate* с противоположными по смыслу существительными *desperate* и *remedies* подчеркивает смысл, придает высказыванию более эмоциональную окраску и усиливает логику высказывания. Приведем еще один подобный пример: *A man is as old as he feels, a woman is as old as she looks* – мужчина настолько стар, насколько он чувствует, а женщина – насколько она выглядит. Текст этой пословицы полностью основан на повторениях и антонимичных парах лексем. Есть пара существительных – антонимов: *a man – a woman*; есть пара глаголов, которые выполняют роль антонимов только в данном тексте *feels – looks*; есть повторяющееся словосочетание, представляющее собой конструкцию с прилагательным *old* в положительной степени. Ритмический рисунок этого текста, который тоже обусловлен повторением лексем, звуковыми повторами; привлечение сравнений, антонимичность сопоставляемых явлений и действий – всё это создает чрезвычайно выразительный текст.

Подобных примеров намного больше в русском языке, что говорит о продуктивности сочетания разных выразительных средств в одном тексте для русского языка: *Сам заварил кашу – сам ее и расхлебывай* – выразительность этой пословицы основана на повторении лексемы *сам*, а антонимичной пары глаголов *заварил – расхлебывай*. Форма прошедшего времени противопоставляется форме повелительного наклонения, что придает данному тексту дополнительную динамику. Подобный пример с тем же приемом: *Любишь кататься – люби и саночки возить*. Текст этой пословицы не только ставит человека перед выбором того или иного пути, но и дает конкретный совет, настойчиво подталкивает к принятию правильного, разумного решения. Повторение однокоренных лексем *любишь – люби* и привлечение пары антонимов *кататься – возить* – это сочетание лексических средств и помогает экспрессивно выразить глубокую народную мудрость. Еще один интересный пример – это поговорка: *дружба дружбой, а служба службой*. Повторяющиеся существительные в форме разных падежей противопоставляются друг другу, образуя в данном контексте антонимичные пары лексем, а использование двухсложных созвучных слов – прием, который делает поговорку выразительной и запоминающейся.

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы: 1) повторение и антонимия – важные языковые средства, влияющие на восприятие пословиц и поговорок, это эффективный и часто применяемый в обоих языках способ сделать короткий текст ярким и выразительным; 2) примеры пословиц

и поговорок с двойными и тройными парами антонимов выявлено в три раза больше в русском языке; 3) количество примеров русских пословиц и поговорок, в которых использовано сочетание повторения и противопоставления, в два раза превышает количество английских примеров, что безусловно говорит о большей продуктивности использования исследуемых в статье языковых средств в русских пословицах и поговорках.

Список литературы:

1. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. – 5-е изд., испр. и доп. / Т.В. Жеребило. – Назрань: Изд – во «Пилигрим». – 480 с.
2. Кусковская С.Ф. Сборник английских пословиц и поговорок. EnglishProverbs andSayings. – 253 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
[file:///C:/Users/HP/Downloads/\[Kuskovskaya_S.F.\]_Sbornik_anglyskih_poslovic_i_po\(BookFi\).pdf](file:///C:/Users/HP/Downloads/[Kuskovskaya_S.F.]_Sbornik_anglyskih_poslovic_i_po(BookFi).pdf) (Дата обращения: 10.01.2016).
3. Русские пословицы и поговорки. Википедия: сайт – [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
https://ru.wikipedia.org/wiki/Русские_пословицы_и_поговорки (Дата обращения: 10.01.2016).

СЕКЦИЯ

«ТЕОРИЯ ЯЗЫКА»

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕМАНТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ НЕКОТОРЫХ АДВЕРБИАЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖНЫХ КОНСТРУКЦИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ УКРАИНСКОГО ЯЗЫКА)

Хоровец Вера Евгеньевна

старший преподаватель

Мариупольского государственного университета,

Украина, г. Мариуполь

E-mail: vera091981@mail.ru

THE EXPERIENCE OF STUDYING SEMANTIC PECULIARITIES OF CERTAIN ADVERBIAL PREPOSITIONAL CONSTRUCTIONS (EXAMPLIFIED BY THE UKRAINIAN LANGUAGE)

Vera Khorovets

senior instructor of Mariupol State University,

Ukraine, Mariupol

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются адвербиальные предложные конструкции современного украинского языка, обозначающие внутреннюю причину. Предпринята попытка выделить типы причины, которые выражаются посредством адвербиальных предложных конструкций. Исследованы семантические особенности внутренней осознанной причины, выявлены основные составляющие ситуации, которая характеризует внутреннюю осознанную причину.

ABSTRACT

Adverbial prepositional constructions of the modern Ukrainian language denoting inner perceived cause are analyzed in the article. An attempt to single out the types of cause, expressed by adverbial

prepositional constructions is made in the research. Semantic peculiarities of the inner perceived cause are studied, basic components of the situation, characterizing inner perceived cause are revealed.

Ключевые слова: предложные конструкции; внутренняя осознанная причина; агенс; эмоционально-психические характеристики; ситуация.

Keywords: prepositional constructions; inner perceived cause; agents; emotional-psychic characteristics; situation.

Причинно-следственная зависимость явлений отражает необходимость, обусловленную объективными законами. Все явления выступают причиной определенных последствий и последствиями определенных причин. Изучение явлений в аспекте их закономерной связи является одним из важнейших принципов научного познания. Главным дифференцирующим признаком причинно-следственных отношений выступает их фактуальность, что находит свое конкретное проявление в пределах семантической оппозиции «каузирующее событие или состояние – каузированное событие или состояние», которые характеризуются необратимостью и однонаправленностью, т. е. следствию всегда предшествует причина, а не наоборот. Лингвистические наблюдения в сфере причинно-следственных отношений не только раскрывают суть важных языковых закономерностей, но и играют существенную роль в этой области познания окружающего мира [1, с. 3] и, таким образом, вызывают как общетеоретический, так и практический интерес. Кроме того, вследствие своего логического характера, категория причины в большей степени национально индивидуализирована, чем другие онтологические категории, в частности пространство и время.

Таким образом, предметом исследования выступают адвербиальные предложные конструкции современного украинского языка, обозначающие внутреннюю осознанную причину. Адвербиальные предложные конструкции представляют собой единый комплекс (в состав которого входит предлог и имя существительное), приближенный к наречию и выполняющий функции разного рода обстоятельств. Однако несмотря на то что адвербиальные предложные конструкции используются как наречия, они не теряют парадигматической связи с именами существительными, например, сочетаются с именем прилагательным, которое выступает в качестве определения субстантива, являющегося частью указанных конструкций. Анализ адвербиальных предложных конструкций достаточно актуален

в теоретико-лингвистическом аспекте как один из «беспорных и продуктивных случаев асимметрии между формой и содержанием», потому что, по мнению исследователей, непредикативная форма выступает средством выражения пропозитивного содержания (см., например, [5, с. 28]). К тому же, чаще всего предложные конструкции рассматриваются как предложно-падежные формы, что является оправданным только по отношению к флективным языкам и теряет свою актуальность, если речь идет о нефлективных языках. Еще одной неразрешенной проблемой изучения предложных конструкций остается вопрос о том, что является решающим компонентом синтагмы «глагол – предлог – субстантив».

Кроме того, в свете теории универсалий, которая высказывает мысль о том, что изоляционизм в своих разнообразных проявлениях исчезает из языкознания [7, с. 197], изучение языкового выражения причинных связей может способствовать уточнению некоторых моментов проблемы языковых универсалий.

Материалом для исследования послужил роман П. Загребельного «Роксолана», из которого методом сплошной выборки было отобрано 272 адвербиальные предложные конструкции со значением причины.

Выражение причинных отношений посредством предложных конструкций образует систему значений именной каузальности. Вслед за М.В. Всеволодовой считаем целесообразным за основу распределения разнообразных причинных ситуаций взять оппозицию по сфере выявления причинных отношений: «человек» – «не человек» [3, с. 60; 4, с. 48].

При анализе первого фрагмента значимой оказывается оппозиция значений «внутренняя причина» – «внешняя причина». Разделение причины на внутреннюю и внешнюю является ключевым моментом физического аспекта причинности. Таким образом, при исследовании лингвистического аспекта причинности, т. е. выражения средствами языка физического, философского и логического аспектов этой категории, значимость этой оппозиции для описания анализируемых явлений становится очевидной. Внутреннюю и внешнюю причину мы разграничиваем по отношению к субъекту деятельности, т. е., агенту [2, с. 8; 6, с. 47–48]. Например:

(1) *Роксолані вість про смерть Гульфем принесла Кіната. Упала до її ложа, тіпало її всю від ридань* (с. 275). «Ридання» – действие, присущее агенту, т. е. внутренняя причина.

(2) *Навіть крикнув розгнівано на свого улюбленця. І не за його рабський порух, в якому, власне, нічого не було незвичайного, а від того, що знов залунав над ним той загадковий жіночий голос, і так*

виразно, ніби був тут, між ними, простягни руку – доторкнешся (с. 118). «Порух» – действие, которое не принадлежит агенту, т. е. по отношению к агенту выступает внешним фактором.

В рамках фрагмента «внутренняя причина» релевантным оказывается выделение оппозиции по «степени контролируемости действий агенса». На основании этого можно выделить:

1) осознанные действия:

(3) *Вітторія Колонна, донька великого коннетабля Королівства Неаполітанського, завдяки своїм поезіям зблизилася з самим Мікеланджело, а правителька невеличкого Корреджіо Вероніка Гамбара завдяки тонким лестощам у своїх віршах завоювала прихильність папи Климента й імператора Карпа (с. 222);*

2) ненамеренные действия:

(4) *Щастя, що в Стамбулі лютувала пожежа, і він знову кинувся туди, захопивши з собою яничарів, метався серед попелищ, когось ловив, кидав у зіндани, за кимсь ганявся, когось переслідував, падаючи з ніг від утоми й запопадливості, весь закіптюжений, мов кольянбай, з якого глузує дітлашня (с. 392).*

К сожалению, ограниченный объем статьи делает невозможным детальное рассмотрение всех типов причин, поэтому обратимся к первому члену этой оппозиции – к внутренней причине, т. е. причине, свойственной самому агенту (в частности к ее первому подтипу – осознанному действию). По нашему мнению, эта разновидность причины является наиболее распространенной вследствие того, что, в целом, в большинстве случаев действия человека являются осознанными и мотивированными.

Внутренняя причина – это признаки, состояние и действия субъекта. Признаки могут быть субъективными или личностными (те, которые относятся к внутреннему, эмоционально-психическому состоянию) и объективными (такие как возраст, физические параметры, физическое состояние и социальное положение). Таким образом, было выявлено, что значение «осознанное действие агенса», обусловленное внутренней причиной, реализуется в ситуациях, в которых причиной выступают: 1) личностные характеристики агенса; 2) объективные характеристики и качества агенса; 3) действия агенса.

В состав компонентов ситуации, в которой причиной выступают «личностные характеристики агенса», входят: 1) агенс; 2) действие / отсутствие действия; 3) причина – характеристики и стимулы: а) эмоционально-психические; б) интеллектуально-творческие; в) социальные.

Агенса, т. е. лицо, которое выполняет действие, может выражаться:

1) именем собственным:

(5) - *Будеш мактул! – крикнув перекривлений од люті Сулейман* (с. 334);

2) именем нарицательным:

(6) *Султанська мати не показувалася. Занедужала від горя* (с. 226);

3) местоимением:

(7) *Страждання, яких я зазнаю від своєї любові, мало не зводять мене з розуму* (с. 16).

Следует отметить, что в большинстве случаев значения причины агенсом выступают части тела, а также органы, которые отвечают за эмоционально-психическое состояние человека:

(8) *Тоді хлопець з перекошеним від ненависті обличчям, ледь не плачучи, вдарив своєю ложкою об коліно, переламав її навіл, кинув цурпалки, вискочив я-за столу* (с. 174).

Действие агенса может быть:

1) физическим:

(9) *Почути звук скрипок, коли поцілує тебе білозубий і чорночубий, і засміятися від радості й захвату ...* (с. 77);

2) интеллектуальным:

(10) *Багато років нерозумно пишався він тим, що вистежує кожен крок наймогутнішої жінки в імперії, розкошував од думки про свою винятковість, несхожість з усіма, хто його оточує, про свою вищість* (с. 520);

3) социальным:

(11) *Власне, дотепність і позбавила Ахмеді всіх тих високих милостей, яких досягнув завдяки своєму поетичному таланту* (с. 459);

4) состоянием:

(12) *Баязид прийшов до матері блідий від розгубленості* (с. 502);

Отсутствие действия агенса может выражаться:

1) частицей «не»:

(13) *Для Джихангіра без кінця влаштовувано учти, а що вина він не пив через слабкість своєї натури, від солодоців його нудило, то Мустафа для зміцнення його природи велів готувати для молодого шах-заде кульки з товченого конопляного листа ...* (с. 456);

2) глаголами, которые содержат идею отрицания:

(14) - *Ви що, заплатили цьому Сінам-азі? - навіть зупинився від здивування Ібрагім* (с. 22).

Причина, в свою очередь, выражается существительным, которое соотносится с:

- 1) глаголом: *від гніву, від радості, з цікавості, від ляку* и др.;
- 2) прилагательным: *від нетерпіння, од люті, від мудрості, від доброти* и др.;
- 3) причастием: *від розгубленості, від розчулення, від обурення* и др.;
- 4) другими существительными: *від розпачу, завдяки поетичному таланту, від темного передчуття* и др.

В качестве иллюстрации приведем такой пример:

(15) *І коли дав йому Мустафа від доброти великої зеленкуватих кульок забуття, Джихангір упізнав стан, в якому опинився, мов у знайомім домі, ...* (с. 463), где причина выражается существительным, соотносимым с прилагательным «добрий».

В составе причины указанного фрагмента можно выделить эмоционально-психические, интеллектуально-творческие и социальные характеристики [2, с. 27]. Таким образом, самую многочисленную группу составляют эмоционально-психические характеристики с такими их подтипами:

- 1) чувства, адресованные другому лицу, объекту:
 - а) положительные – *любов, подяка, доброта* и др.;
 - б) отрицательные – *ненависть, заздрість* и т. п.;
- 2) эмоциональные состояния:
 - а) а) положительные – *радість, захват, щастя, горіння душі, надміру почуттів* и др.;
 - б) отрицательные, пассивные – *горе, тривога, туга, відчай* и т. п.;
 - с) активные – *зло, злість, гнів, лють* и др.;
 - д) осознаваемые – *страх, сором, жалість до себе, слабкість натури, розпач, розчуленість, безсиля, передчуття (темного, невідомого), біль за когось, здивування, нерішучість* и др.;
- 3) черты характера, которые говорящий приписывает агенту: *самовдоволеність, слабкість натури* и др.;
- 4) эмоциональные свойства личности: *нетерпіння, нестриманість* и др.

В качестве иллюстрации приведем следующий пример:

(16) *Розбундючений від самовдоволення, упивався своєю владою, своїм могуттям, ...* (с. 410), где причина выражается существительным, которое отражает черты характера, приписываемые говорящим агенту, – «самовдоволення».

Интеллектуально-творческие характеристики представлены названиями:

1) интеллектуальных черт: *допитливість, мудрість, простодушність, легковажність, недосвідченість* и др.;

2) творческого потенциала: *здібність / нездібність, талановитість* и др.;

3) интеллектуальных стимулов: *думка, переконання, впевненість, інтерес, зацікавленість*.

Это можно проиллюстрировать следующим примером:

(17) *Йому сказали, що Мустафа вбитий. Він не повірив, тоді забув про Мустафу, коли ж згадав, то засміявся від власної мудрості. Бо хіба ж не говорило йому передчуття, що найстарший брат буде вбитий?* (с. 463), где интеллектуально-творческая характеристика представлена названием интеллектуальной черты – «мудрість».

Что касается ситуации, где причина представляет собой объективные характеристики агенса, действия агенса являются следствием его состояния или объективных признаков и реализуются либо как отказ агенса от некоторой деятельности, либо как ограничение активности, либо, наоборот, как осуществление действий, обусловленных указанными характеристиками:

(18) ... *після повернення до Стамбула вибудував розкішний Дім над морем, де часто приймав венеціанського байла Марко Мініо, Луїджі Грімі й самого Ібрагіма, повадився незалежно не тільки через своє багатство, а також і тому, що знав, як любить його новий султан, ...* (с. 141).

Отметим, что компонентами этой ситуации являются: 1) агенс; 2) действие агенса; 3) причина – физическое или социальное состояние, объективные свойства агенса. Действие агенса выражается предикативными формами со значением физического, психологического и социального действия:

(19) *Щоб прийшла сюди, впала йому до ніг, плакала і благала, благала й плакала, а він виказав би свою великодушність, відомстив би за зраду великодушністю, лишаючись здерев'яніло-непритступним, хоча і без звичного самовдоволення, яке завжди відчував од свого високого становища* (с. 531);

Причина в этом семантическом фрагменте может выражаться названиями:

1) возрастных характеристик: *молодість, старість, вік* и др.;

2) физического и физиологического состояния: *общее состояние здоровья, болезни, жажда, голод* и др.;

3) социальных характеристик: *имущественных, социальных* и т. п.

В качестве иллюстрации приведем следующий пример:

(20) *А складав їх шах під іменем поета Хатаї, мабуть, так само в години самотності й утоми від всемогуття влади, без надії на можливість спілкування з людьми, ...* (с. 115), где причина выражается названием социального положения.

Эту ситуацию можно разделить на два подтипа:

1) действия агенса приводят к другому целенаправленному действию:

(21) *Він сердито сплюнув від неприємного відкриття і зробив це так одверто, що Міхрімах помітила й стала вередувати ще дужче, ніж завжди* (с. 390);

2) действия агенса приводят к другому ненамеренному действию или состоянию агенса:

(22) *... десь мляво майнули червоняста борода сина Селіма, його бліде одутлувате від пиятики обличчя, але й зникли* (с. 512).

Компонентами первой ситуации являются: 1) агенс; 2) целенаправленное действие или результат; 3) причина – а) действия агенса; б) характеристика действий агенса. Составляющими второй ситуации выступают: 1) агенс; 2) ненамеренное действие или состояние; 3) причина – а) действия агенса; б) характеристика действий агенса. Действие, как целенаправленное, так и ненамеренное, состояние или результат выражается глаголами или глагольными формами со значением действия:

1) физического:

(23) *Пихата Махідевра́н навіть розвеселила дівчину, і Настася ще довго, неспроможна вгамуватися, сміялася при згадці про черкешенку, ...* (с. 67) (первая ситуация);

(24) *Був простий раб, стайничий, начальник султанських стаєнь, паши і санджак-бег (дикі племена мали тремтіти від самої згадки його імені, але щось він там не помітив того тремтіння) ...* (с. 388) (вторая ситуация);

2) психологического:

(25) *Роздиралася від затаєних думок, лякливих домагань, невисловлених просьб, які готувала для султана* (с. 395) (первая ситуация);

(26) *Знеможена від дум, розгублена, безпорадна, як ніколи досі, з раннього ранку Роксолана йшла в сади гарему, блукала там, ...* (с. 398) (вторая ситуация);

3) социального:

(27) ... а правительлька невеличкогo Корреджіо Вероніка Гамбара завдяки тонким лестоцям у своїх віршах завоювала прихильність папи Климента й імператора Карпа (с. 222) (первая ситуация);

(28) Бо злочинець через свій злочин став твариною, тварина ж не має імені, так само й становища (с. 49) (вторая ситуация).

Действия агенса выражаются существительными со значением физического, психологического, социального и других действий:

(29) І хто знає, кому було більше радості в ті найнапруженіші роки їхнього співжиття: Роксолані від перемог над султаном чи Сулейманові од поразок перед цією незамінною жінкою? (с. 450).

Характеристика действий агенса, в свою очередь, выражается посредством прилагательных или притяжательных местоимений:

(30) Мабуть, і врятувалася завдяки своїй дивній звичці втікати з дому поночі (с. 35).

Таким образом, на основании проведенного анализа можно прийти к выводу о том, что наиболее многочисленную группу составляют адвербиальные предложные конструкции, обозначающие внутреннюю осознанную причину. Внутри этой группы наибольший класс составляют причинные конструкции, которые выражают личностные характеристики агенса. На наш взгляд, это происходит, во-первых, вследствие антропоцентричности языка художественного произведения, а во-вторых, благодаря тому, что в целом, в большинстве случаев действия человека являются осознанными и мотивированными.

Соглашаясь с тезисом Р. Якобсона о том, что языки мира можно трактовать как разновидности человеческого языка как такового [7, с. 185], методика исследования может быть использована для лингвистического анализа аналогичных конструкций в других языках. К дальнейшим перспективам исследования можно отнести изучение этой проблемы в сопоставительном аспекте на материале разноструктурных языков с целью уточнения некоторых аспектов теории лингвистических универсалий.

Список литературы:

1. Бессалов А.Ю. Специфика выражения каузальных отношений в современном английском и французском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2012. – 20 с.
2. Всеволодова М.В., Ященко Т.А. Причинно-следственные отношения в современном русском языке. – М.: Рус. яз., 1988. – 207 с.

3. Всеволодова М.В. К вопросу о методологиях и методиках лингвистического анализа (на примере категорий пространственных, временных и причинных отношений) статья третья // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9: Филология. – 2005. – № 3. – С. 51–78.
4. Жданова В.В. Опыт семантического описания ситуаций со значением причины события или явления в мире неживой природы // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов – М.: Филология, 1997. Вып. 2. – С. 48–53.
5. Жданова В.В. Простые предложения с именной причинной группой, выражающие причинно-следственные отношения в мире неживой природы: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1998. – 186 с.
6. Хааг Э.-О. Функциональная типология и средства выражения причинно-следственных отношений в современном русском языке: дис. ... док. философии по рус. яз. – Тарту, 2004. – 162 с.
7. Якобсон Р. Значение лингвистических универсалий для языкознания // Язык и бессознательное. – М.: Гнозис, 1996. – С. 184–198.
8. Загребельный П.А. Роксолана. – Х.: Фолио, 2007. – 685 с.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

**«В МИРЕ НАУКИ И ИСКУССТВА:
ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ,
ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ
И КУЛЬТУРОЛОГИИ»**

Сборник статей по материалам

LVII международной научно-практической конференции

№ 2 (57)

Февраль 2016 г.

Подписано в печать 16.02.16. Формат бумаги 60х84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 5,625. Тираж 550 экз.

Издательство АНС «СибАК»
630049, г. Новосибирск, Красный проспект, 165, офис 4.
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3